

И. МУСМАН

Эмиграция и родина

Большинство печатных органов эмиграции публикует и стремится широко распространить документы и литературные произведения, приходящие из подполья СССР или переданные недавно приехавшими за границу, а также имена тех в Советском Союзе, кому нужна помощь, кто арестован, заключен в психиатрическую больницу или кому угрожает такая судьба.

Однако убеждение, что подобные материалы необходимо публиковать, не всегда было бесспорно, да и теперь есть в эмигрантских кругах люди, считающие огласку самиздатских документов ненужной, способной только повредить упомянутым в них жертвам т. н. «советского правосудия».

В эмиграции возникла эта осторожность сразу после второй мировой войны, когда за границами советской империи, вольной волею или в силу обстоятельств, оказались тысячи советских граждан, семьи которых во многих случаях остались в СССР. Осторожность того времени, таким образом, понятна и вполне оправдана.

В последующие годы ряды новой эмиграции стали пополняться, главным образом, за счет перебежчиков из оккупированной советской зоны Германии. Это были в большинстве случаев военнослужащие разных званий, «избравшие свободу», как тогда было принято говорить. Большинство этих перебежчиков сливалось с общей массой эмиграции, а некоторые, по прошествии известного срока, возвращались в лоно организации, пославшей их (Иван Овчинников, Юрий Марин и пр.). Избравшие свободу не любили огласки, что тоже понятно.

Первый послевоенный перебежчик, во всеуслышание заговоривший о себе, был Виктор Кравченко, громкогласно разоблачивший методы советской разведки на процессе в Париже. Вторым был работник КГБ Юрий Хохлов, в 1954 г. выступивший на пресс-конференции во Франкфурте-на-Майне и с головой выдавший свою жену, оставшуюся на родине, но, по его словам, внушившую ему решение бежать на Запад. Это интервью вызвало возмущение эмиграции, т. к., во-первых, нарушило молчание о прибывших из-за железного занавеса, и, во-вторых, губило несчастную женщину.

Позже имели место несколько шумных и уже открытых побегов перед самой посадкой в самолеты, отлетающие в СССР, например побег работников КГБ, супругов Петровых, танцовщика Кировского балета Рудольфа Нуреева и т. д. Эти перебежчики совсем не были заинтересованы в соблюдении тайны их побега, так как отлично понимали, что широкая огласка в печати и радио демократических стран спасала их от выдачи органам госбезопасности. Замечу, кстати, что первые, оценившие информацию западной общественности, были, как правило, именно бежавшие на Запад работники КГБ.

Приблизительно ко времени этих сенсационных побегов, т. е. в начале шестидесятых годов, в эмиграции появились такие высказывания: нехорошо, мол, пригласывать людей, которые бегут из Советского Союза, да еще во всеуслышание порочат свою родину... Это мнение стало охватывать все большие круги зарубежья с декабря 1968 года, когда радио «Свобода» начало передавать полные тексты самиздата «без изменений и сокращений», как говорилось во вступлении к этим програм-

мам. Нужно сказать, что печать СССР до того времени очень мало занималась передачами радио «Свободы». Главным образом, в газете «За родину», этак раза два в год, появлялся винегрет из устаревших сплетен и «разоблачений» работавших на станции сотрудников. Но с того часа, как появился цикл передач «Письма и документы», состоявших из самиздатских материалов, советские органы печати встrepенулись и стали помещать обширные отклики на программы «Свободы» уже в таких газетах, как «Известия», «Литературная газета», «Коммунист» и т. д.

Чем больше самиздатских документов прибывало за границу, чем убийственнее были их свидетельства, тем больше разгорался сыр-бор. Приверженцы соблюдения тайны советских порядков не хотели или не могли понять, что огласка этих документов в демократических странах — единственное спасение для тех, кто выступил за права человека в СССР. Постоянно приходилось слышать ставшее стандартным мнение определенной части эмиграции: «Зачем „Свобода“ использует эти материалы? Такими передачами и публикациями наносится только вред несчастным, находящимся в тюрьмах или психбольницах». — Самое яркое выражение этого опасения пришлось слышать автору этих строк в 1970 г., когда Солженицыну была присуждена Нобелевская премия. Вот оно дословно: «И зачем они это сделали? Теперь они его окончательно погубили». — К чести присутствовавших при этом разговоре добавлю, что это мнение ни в ком не нашло отклика, и, среди ликования по поводу чести, оказанной русскому писателю, было единогласно высказана уверенность, что именно эта премия спасет ему жизнь. Впоследствии, в Стокгольме, при получении Нобелевской премии, Солженицын это и сам подтвердил. Но не только в этом своем выступлении Солженицын опроверг мнение осторожных болельщиков самиздата. Ведь не даром же он, стойкий патриот своего отечества, постоянно твердит о необходимости не только печатать полные имена жертв, но и всячески выявлять в свободной демократической печати пороки и преступления советской системы. Да и большинство своих произведений, в том числе сокрушительный «Архипелаг», он опубликовал на Западе, когда еще сам находился в СССР. И если внимательно прочесть его «Теленка», то становится ясной связь между его выступлениями против органов госбезопасности и публикацией его произведений и самиздатских материалов за границей.

О том, как важна для судеб борцов за демократические свободы в СССР широкая информация западной общественности, говорил и Владимир Буковский канадскому журналисту в своем последнем интервью, за которое был немедленно водворен в психбольницу. И только благодаря шуму, поднятому в демократической прессе, Буковский был переведен из психбольницы в тюрьму. Владимир Буковский знал, что рассказом о советской действительности ставит на карту свою свободу и жизнь, но сознательно рисковал своей головой, чтобы помочь политосужденным или желающим уехать на Запад.

Последуем примеру Солженицына и Сахарова и не будем преуменьшать значения публикаций материалов, компрометирующих советский строй, равно как и общих оценок режима и его идеологии. Кое-чего посредством

гласности можно добиться. Однако не забудем, что нам здесь, на Западе, известны имена очень немногих диссидентов. Те, о ком не проскользнуло ни слова, никогда не покинут тюремных стен или психиатрических застенков. О ком же упомянуто лишь мимоходом, память изглаживается очень быстро. Кто, например, помнит теперь о лейтенанте Ильине, 22 января 1969 г. в Москве по ошибке стрелявшего в космонавтов? Выстрел предназначался советским руководителям, но в последнюю минуту, видимо, предупрежденные, они пересели в другую машину, чего Ильин, конечно, не мог знать. В этом случае западная печать проявила непоследовательность: кручинясь о судьбах террористов на всех континентах, она не сочла нужным уделить внимание, необходимое для облегчения участи Ильина. Поэтому все, что известно о его судьбе, мы почерпнули из «Известий» за 21 марта 1970 г., где на странице четвертой официально сообщается, что лейтенант Ильин помещен в психбольницу. И есть все основания утверждать, что над ним производятся (или производились, если он умер) опыты, за которые «пользующие» его врачи наверняка получат ордена и премии.

Поскольку со времени приведенных выше выступлений прошло уже несколько лет, будет позволительно подтвердить наше мнение о необходимости информации демократических стран о положении политических заключенных в СССР совсем свежими примерами.

16 августа 1975 г. Нина Буковская, мать Владимира Буковского, послала в Международную Организацию «Амнистия» открытое письмо, в котором описывала, в каких бесчеловечных условиях находится ее сын во Владимирской тюрьме. Буковский, потерявший в заключении здоровье (у него возникли ревмокардит, болезнь печени, язва двенадцатиперстной кишки и заболевание глаз), отказался работать, и с 29 июля 75 г. администрация тюрьмы назначила ему т. н. «строгий режим» на полгода, т. е. фактически обрекла его на голодную смерть. Нина Буковская обращалась с просьбой облегчить участь ее сына к министру МВД Щелокову, но не получила ответа. В своем письме в Международную Организацию «Амнистия» несчастная мать пишет: «Я прошу вас передать мое письмо широкой гласности», — совершенно очевидно надеясь, что только вмешательство общественного мнения Запада сможет как-то смягчить судьбу Владимира Буковского.

25 сентября 75 г. в газете «Русская мысль» было опубликовано заявление Барабанова, в котором он пишет, что конференция по разрядке напряженности, происшедшая летом в Хельсинки, не оправдала возложенных на нее надежд и что в СССР аресты и заключения в психиатрические больницы политических инакомыслящих продолжаются. Свое заявление Барабанов заканчивает следующим абзацем:

«Наш горький опыт свидетельствует: пока мы молчим, — преступления продолжаются. И поэтому я снова

обращаюсь к мировой общественности — к тем, кому дороги не только высокие слова, декларации о мире и безопасности, но и человеческие судьбы».

В Риме, жена Андрея Сахарова, Нина Боннер, перед отлетом в Осло для получения Нобелевской премии мира, присужденной Сахарову, сказала журналистам, что любое внимание, которое оказывается диссидентам в СССР, служит их делу борьбы за права человека.

И, наконец, совсем недавнее сообщение:

В конце ноября 1975 г. представитель Министерства внутренних дел УССР сообщил Татьяне Житниковой, жене политзаключенного Днепропетровской психбольницы Леонида Плюща, что ее требования об освобождении мужа и о разрешении ее семье выезда за границу удовлетворены. Татьяна Житникова указала тогда, что приписывает это решение властей широкой кампании протеста западной общественности против содержания ее мужа в психиатрической больнице. Однако 4 декабря Татьяна Житникова и член Инициативной группы по защите прав человека в СССР Татьяна Ходорович по телефону сообщили из Киева иностранным корреспондентам в Москве, что начальник киевского ОВИР'а отказался принять Житникову, несмотря на данное ей ранее обещание. Житникова и Ходорович по телефону просили иностранных корреспондентов мобилизовать мировую общественность и поддерживать Плюща до его освобождения и выезда из Советского Союза.

Тот факт, что, несмотря на все гонения, на опасность стать объектом психиатрических экспериментов или попасть за колючую проволоку, в стране есть люди, борющиеся за права человека, что в ней есть потенциал гуманных, морально стойких граждан, руки которых не опачканы кровью и которые своей жизнью готовы заплатить за свободу и права совсем неизвестных им людей, поднимает авторитет нашей родины во всем мире. Благодаря их выступлениям (устным или в печати), все большее число иностранцев и иностранных политических деятелей стали понимать, что между Россией и СССР нельзя ставить знака равенства. Пока запуганный народ молчал, многим за границей казались голословными утверждения послевоенных эмигрантов, что в народе широко распространено отрицательное отношение и даже ненависть к существующей власти. Теперь, когда нашлись выразители и глашатаи истинных народных настроений, живущие еще в Советском Союзе или совсем недавно попавшие на Запад, значительная часть западной общественности изменила свое мнение по этому вопросу.

И мы, политическая эмиграция, считаем нашим долгом и задачей неустанно указывать на жестокие судьбы преследуемых и разоблачать самую сущность советского режима и его глубоко порочную идеологию.

Г. ПОМЕРАНЦ

Два принца

*Гамлет медлит.
И этот миг
Удивителен и велик.
(Д. Самойлов)*

Когда история теряет направление и смысл и неизвестно, что завтра окажется разумным и что безумным, — рождается простая, как мычание, идея: плевать! Плевать на историю, плевать, куда она ведет. Пусть в клоаку. Существование прежде сущности (и смысла). Наша жизнь — сегодня, и смысл ее — свобода. А свобода — очень

простая штука: возможность выбора. Коли нельзя оставаться человеком на своей родине, то Бог с ней! Есть и другие земли. Если нельзя жить, можно выбрать смерть. Нужно только одно: посметь.

«Никогда не поздно быть свободным!» С этими словами принц Аэрт, у Ромена Роллана, выбрасывается из окна. «Где та пропасть, в которую бросают свободных людей?» — спрашивает Эзоп (в пьесе Лопе де Фигейредо). «Человек присужден к свободе» — сказал Сартр. Хорошие слова!

Но кто поставил знак равенства между выбором и сво-

бодой? Кажется, механики. В механике свобода означает простую и ясную вещь: поезд может ездить по рельсам взад и вперед; автомобиль — еще поворачивать вправо и влево, а самолет — подниматься и опускаться... Какое отношение все это имеет к человеку? Человек, оказавшийся в положении поезда и даже самолета, не чувствует себя свободным. Ему нужна бесконечная возможность выбора. Или возможность выбрать то, в чем непосредственно содержится бесконечность — Синюю Птицу...

Если нет бесконечности выбора, то нет свободы. Есть только перевод из тесной камеры в другую, просторную. Сартр мог бы вспомнить Вольтера. Когда Кандиду предложили выбор между шпицрутенами и расстрелом, он не испытал чувства свободы. Ни то, ни другое не радовало его. И если нельзя сделать *хорошего выбора*, к чему вообще выбирать?

Звонкую фразу Сартра можно вывернуть наизнанку: человек присужден к выбору между рабством и смертью. Таким образом, мы возвращаемся от Сартра к его учителю, Хейдеггеру.

Сартр стихийно верит в возможность хорошего выбора. Я также. Но, по-моему, надо показать, что в мире есть нечто, делающее нас свободными, если мы выберем его и прикоснемся к нему; и, во-вторых, — указать путь к такому выбору. Того и другого у Сартра нет.

* * *

Что делать человеку, который не поверит на слово, не согласится, что игра стоит свеч? Что делать, если он не видит никакой возможности хорошего выбора? Если все возможности кажутся ему затягивающими в муть и грязь? Если зеленая улица не имеет конца?

На этом стоит Хейдеггер, с которого Сартр начал — и, по-моему, не сумел далеко отойти от него. Точка зрения Хейдеггера кажется суровой истиной, освобожденной от всех обманчивых покровов. Недостойно человека идти, как ослу, за пучком сена, привязанным к шесту, — за призраком свободы. Если в мире нет действительно свободного бытия, что толку в свободе выбора — тех или других палок, тех или других петель, в которых повисает свободная воля? Только глядя в лицо смерти, мы глядим в лицо истины. «Смерть — единственное, в чем я никогда не сомневался», — говорит экзистенциалистский герой Генриха Белля. На ней — на собственной смерти и на смерти всего существующего — должна сосредоточиться мысль, чтобы стать мыслью о бытии. «Присужден к свободе». Еще одна иллюзия, еще один клочок сена! Скажем прямо и честно: присужден к смерти.

Закрыв глаза на это, мы закрываем их на истину. Мы не видим, как общественная жизнь подсовывает нам, вместо бытия, организацию этого бытия, создание материальных предпосылок, рационализацию этой организации и этих предпосылок, организацию этой рационализации и т. д. — до полной внутренней пустоты, до того, что само наше я исчезает, и на том месте, где оно когда-то было, усаживается среднестатистическое нечто, подлежащее неопределенно-личному предложению. Наша функция в общественном механизме становится нашим лицом, а лица больше нет. Тощие коровы средств съели тучных коров целей, и наступил великий духовный голод. Остались только вывески над дверью в разрушенный дом. Дома нет.

Сравнительно с этой беспощадной глубиной и последовательностью мысли Сартр — просто легкомысленный лягушатник. Я думаю, Хейдеггер так о нем и говорит в узком дружеском кругу.

* * *

«Никогда не поздно быть свободным!» — Сказав это, принц Аэрт выбрасывается из окна.

Иногда удивительно хочется прыгнуть вслед. Выскокить. Улететь. Особенно, если окно приоткрылось на полчаса и сейчас его снова закроют, и тогда будешь до старости кусать себе локти...

Вырваться на волю. А там — хоть в роз, в пропасть. «Где та пропасть, в которую бросают свободных людей?» Все равно. Хоть на минуту свобода.

Счастлив, кто падает вниз головой,
Мир для него, хоть на миг, — а иной!)

У Роллана принц одинок и никого за собой не тянет. Вольному воля! Но представим себе у раскрывшегося окна человека — лучше всего женщину, — за которого цепляется мать, сестра, дети... Что ей делать? Бросаться самой и оставить их? Вышвырнуть их первыми? Вернуть себе свободу, заколов детей, прижитых с Язоном? Медя может рассчитывать на наше удивление, но любви к себе она как-то не вызывает...

«Лучше умереть стоя, чем жить на коленях...» В том числе и матери с грудным ребенком на руках? Не думаю. Она не свободна выбирать. Но выбор оделан. Она любит. А любовь требует всего, что ей нужно: иногда — жизни, иногда внешней свободы. Внутренне тот, кто с ней, всегда свободен.

Поэтому он может не спешить. Поэтому он должен не спешить, пока поступок — разумный или безумный — зреет в нем. Может быть он и прыгнет из окна. Но не потому, что выбрал этот шаг. Скорее наоборот: этот шаг его выбирает. Скорее так. Гамлет делает то, что велит ему призрак.

* * *

Положа руку на сердце, я должен сказать, что разумные поступки — не всегда самые лучшие. Человеку иногда хорошо прыгнуть из окна. Когда он совершенно уверен, до глубочайшей своей глубины, что не может иначе.

Тут все дело в глубине уверенности. Безумный поступок должен созреть и упасть с дерева без тряски, от собственной своей полноты, легко и естественно. Не надо срыгивать его зеленым. И не надо путать внутренней уверенности с «математическими» доказательствами Раскольников и Шигалева или с порывами чувств (которое завтра же исчезнет). Практически, для развития характера, иногда лучше сгоряча ошибиться, чем быть холодно верным правилам. Я не отказываюсь от некоторых своих прошлых вспышек и скандалов. В них складывалось (стихийно и глупо) мое отношение к жизни, сейчас спокойное и твердое. И все-таки не надо путать действительной решимости с нетерпением и невыдержанностью. Только вызревшее решение вправе на независимость от разума.

Личность вовсе не всегда выше разума. Бывает, что прав закон, и личность (еще суетная в своих страстях, даже благородных, но скороспелых) должна подчиниться. Бывает — наоборот. Каждый раз, когда Личность и Закон сталкиваются, приходится всем существом вынашивать свою правоту и рождать ее в муках, как нового человека.

Если ход истории сравнительно прям и понятен, кажется, что права та личность, в которой выступает новый разум, разум завтрашнего дня, за которым будущее. Сегодня Лютер прибил свои тезисы, завтра их признает половина страны. Видимо, так надо. Но мы не знаем будущего. Самое главное в нашей обстановке то, что она совершенно абсурдна, что, может быть, «всем дорога в золу» и нет *никаких* надежных перспектив; и тут нас сразу соблазняют два черта. Один очаровывает массу грубо и просто: «В наш атомный век, в наш каменный век на совесть цена — пятак...» А другой приспособился к элите, к нонконформистам, к людям, готовым в одиночку идти против сплоченного большинства: «Безумству храбрых поем мы славу! Безумство храбрых — вот мудрость жизни!»

Ах, как они лгут! Нет мудрости ни в том, ни в другом. И нет готовой правды. Личность вправе на безумие, но безумие прямое, откровенное и без расчета на славу. За безумцем, провозгласившим себя мудростью, правдой, сразу же начинается этика профессионального героизма, а глядишь, и организация профессиональных героев, и проч.

Одна из любимых притч Кришнамурти — о человеке, нашедшем истину. Дьявола это сперва очень огорчило, но потом, немного подумав, он сказал: «Не беда! Человек захочет превратить свое открытие в систему и тогда снова придет ко мне».

Чтобы стать массовой, истина должна превратиться в систему. Но это тяжелый путь, даже самоубийственный. Истина, целиком превратившаяся в систему, становится стопроцентною ложью. И трудно сказать, к чему больше надо стремиться: чтобы новая истина стала «материальной силой» — или чтоб она не совсем материализовалась и хотя бы отчасти оставалась духовной и личной.

Поэтому зрелость не стремится к победам. Она довольствуется обороной от внешних сил, мешающих ее внутреннему развитию, она обращена внутрь, к источнику своего бытия. Стало поговоркой, что «оборона — смерть восстания». Но наступление — тоже смерть, в духовном отношении еще более верная. Наступать — значит ставить себе все более и более далекие внешние цели и забыть за ними вовсе дорогу вглубь (ради защиты которой все началось). Наступать — значит планировать то, что выходит за рамки человеческого разума; значит угодить в утопию; значит рано или поздно пустить в ход силу, чтобы добиться окончательного решения (которого на самом деле нет), и с великим громом свернуть себе шею.

Все это наступление началось во Франции с неумения быть свободными при старом режиме; с надежды внести свободу декретом. И до сих пор этот «короткий», «наиболее безболезненный для масс» путь ведет французов от кризиса к кризису... Дюверже противопоставляет им англосаксов. Они просто защищали свои традиционные вольности — и добились, шаг за шагом, всего, что было нужно. По крайней мере, в защите от политической тирании.

Я думаю, надо просто оборонять то, что стало условиями нашей жизни, что уже есть, а остальное предоставить особым. И личности, которая вправе искать мученичества, как Луниин. Но Луниин осуждал поляков за нетерпение в 1830 и хвалил англичан, вытерпевших Тюдоров. Путь личности и путь общества, класса — разные. Личности ничего нельзя предписать. А обществу можно сказать: того, что есть, достаточно для внутренней жизни. И если она не удастся, если мы пусты и несчастны, то не потому, что не издан еще соответствующий декрет, и никакой декрет здесь не поможет.²⁾

То, что нужно, — это внутренняя решимость, способность к внутренней свободе в тех реальных условиях, в которых мы живем. И только опираясь на достигнутую свободу, защищая ее, можно постепенно, от поколения к поколению — изнутри наружу развернуть ее.*

Ну, а если нет? Если история решит иначе? Если всем дорога в золу? Пусть. Мы жили так, чтобы открыть ворота будущему, но не ради будущего, а ради бытия, ради

вечного «теперь», и если оно действительно было у нас, — никакая история его у нас не отнимет.

* * *

Не спеши, Гамлет! Пусть слава достанется Фортинбрасу или Лаэрту. Разве она нужна тебе? И разве дело в том, чтобы убить короля?

Король сам спешит навстречу смерти. Он боится ее и потому торопит. Он видит повсюду подкопы, продумывает контрмины и рано или поздно сам себя взорвет. Или просто провалится в одну из ям, которые повсюду вырыл. Не все ли равно, кто даст ему последнюю подножку?

Ты ведь не боишься, Гамлет. Зачем тебе спешить? Пусть спешит король. Пусть он убивает брата; тень возвращается и расшатывает краденное королевство. Пусть он убивает тебя самого, посылает на казнь в Англию; казненный возвращается — и снова страх. Пусть он еще раз убивает тебя, убивает дважды, отравленной шпагой Лаэрты и кубком с ядом; но кубок выпивает королева, а ты медлишь на краю могилы, и твоей рукой совершается суд.

Гамлет бессилен, но он не боится и может ждать. Это ожидание кажется безволием, низостью, малодушием, конформизмом. Нет таких оскорблений, которые Гамлет сам себе не бросает в лицо, когда сомнение схватывает за горло, когда бездействие и ожидание своего часа становятся невыносимыми, когда хочется быть, как Фортинбрас.

Не торопись, Гамлет! Не торопись разбрасывать костер. Ведь ты только внешне неподвижен. Внутри тебя горит огонь, Гамлет, и свет от него доходит до меня через три века.

Ты горишь, Гамлет, горишь и не сгораешь, как неопалимая купина. И в этом — твое действие, твое дело, твой долг. В твоём бессилии сила, перед которой отступают короли.

Слушайся мертвых, Гамлет, слушайся призраков: и не стыдись, если сегодняшний разум назовет тебя трусом. Слушайся мертвых, Гамлет, и не стыдись живых!

Призрак обнажил перед тобой мерзость короля и грех твоей матери; и то, что мир — тюрьма, и Дания — один из худших застенков... Помни об этом! Не забывай свой груз. Пусть он давит твою душу, жжет твой мозг. От этого огня твой свет. Дай ему расти, как дереву. Дай ему вызреть, как плоду. Держи его крепко, даже если он прожигает тебя насквозь.

Твое дело — просто быть. Даже если очень хочется не быть. А все остальное придет. Твоя шпага при тебе. Не ломай ее.³⁾ Но не торопись, Гамлет! Дай созреть своему безумию. Дай ему стать разумом. Если Богу будет угодно, Он Сам вложит клинок тебе в руки. И тогда это будет Его удар. И тогда выяснится, что внешнее поражение может стать внутренней, — а потом и внешней — победой.

1964—1971

² На Западе люди, может быть, менее несчастны; но прямого счастья и у них нет. Главная забота, главная задача на Востоке и на Западе одна и та же.

* Эту мысль высказывал в своих произведениях Константин Леонтьев.

³ Имеется в виду стихотворение В. И. Муравьева, написанное в лагере в 1939 г., когда гитлеровцы оккупировали Данию:

... И станет ясно, что не быть,
И датский принц сломает шпагу.

В. ПИРОЖКОВА

О Международном слушании Сахарова в Копенгагене 17—19 октября

Сахаровское слушание, на которое многие возлагали большие надежды и которое было подготовлено жертвенной работой всего лишь десяти человек, началось, к сожалению, с неприятного конфликта. Когда г-жу З. А. Шаховскую попросили прочесть приветствие А. Сахарова, переданное ей неприехавшим на слушание В. Максимовым, она заявила, что уйдет из жюри, если не будет от-

веден как член жюри пастор Михаил Вурмбранд. К ней присоединился М. Бордо. Заседание было прервано, а потом попросили сначала выступить первого свидетеля, а именно В. Балашова. В это время пастор Вурмбранд был удален из жюри, несмотря на его протесты.

После показаний и опроса членами жюри В. Балашова, было сначала зачитано заявление В. Максимова. Затем

представитель комитета устроителей слушания прочел несколько сбивчивое объяснение, почему пастор Вурмбранд был удален из жюри. Он сослался на то, что в противном случае двое ушли бы из жюри, и назвал при этом фамилию г-жи Шаховской. Но, кроме того, он пробова объяснить удаление М. Вурмбранда еще тем, что он якобы недостаточно нейтрален по отношению к советскому режиму и у него есть в Советском Союзе миссия.

Объясним от себя, что пастор Михаил Вурмбранд является сыном пастора Рихарда Вурмбранда, который сам был жертвой коммунистического режима и сидел в заключении в коммунистической Румынии. Оба пастора и их сотрудники создали интернациональные организации, такие, как «Комитет помощи преследуемым христианам», «Христианская восточная миссия» и «Акция помощи Церкви мучеников». Миссия пасторов Вурмбрандов, отца и сына, заключается в посильной помощи страдающим под коммунистическим режимом христианам, в распространении сведений о новых гонениях, в опубликовании имен арестованных или посаженных в психиатрическую больницу. Всем, конечно, известно, что отец и сын — убежденные и активные антикоммунисты и в своих публикациях борются против коммунистической идеологии и советского режима.

Уже в первый день, т. е. 17 октября, член комитета по организации Сахаровского слушания Бернард Караватский передал всем участникам слушания письменное извинение перед пастором Вурмбрандом следующего содержания:

«Уважаемые слушатели!

Уважаемый Майкл Вурмбранд!

Заданием комитета, организовавшего Международное Слушание Сахарова в Копенгагене, было и является представить на рассмотрение мировой общественности факты нарушения прав человека на территории Советского Союза за последнее десятилетие.

В состав комиссии, которая в настоящее время занята расследованием показаний свидетелей, должны были, по замыслу организаторов, войти всемирно известные лица и представители всех без исключения партий, имеющих своих представителей в Датском Парламенте.

Мы хотели создать комиссию в высшей мере объективную, и мы уверены, что мы ее создали, несмотря на то, что коммунистическая партия Дании отказалась принять участие в Слушании, как это сделали и другие левые и крайне левые партии. Еще раз повторяем, что они получили официальное приглашение и могут завтра же, если пожелают, изменить свое решение, принять участие в Международном Слушании Сахарова, если вообще заинтересованы в том, чтобы знать правду об имеющих место в СССР нарушениях прав человека.

Коммунистическая партия Дании отнеслась к Международному Слушанию Сахарова как к антикоммунистическому мероприятию, так, как коммунисты относятся к каждому человеку и к каждой организации, которые смеют возвысить голос в защиту прав человека на территории СССР. Печать антикоммуниста готова для каждого, чьи идеи не соответствуют официальной пропагандистской линии КПСС.

Мы, организаторы Слушания, хотели и хотим, чтобы здесь сидели представители всех левых партий, которые не верят никому, не пытаются даже выслушать людей, испытавших на собственном горьком жизненном опыте то, во что датские коммунисты верят, как в Бога, — без сомнений и душевного смятения. Они слышат о миллионах погибших невинных людей, погибших во имя идеи, и их совесть не регистрирует этого факта.

Мы хотели, чтобы они сопоставили свои теоретические знания, которые они черпают из официальных советских источников, с показаниями свидетелей.

Господин Майкл Вурмбранд!

Случилось нечто, чего мы, организаторы Слушания, не ожидали. Мы пригласили Вас в комиссию, единственной целью которой является — путем задавания вопросов — познать правду и сделать ее достоянием мировой общест-

венности. Официальная пропаганда СССР называет Вас, господин Вурмбранд, реакционером, и мы ни минуты не сомневались в том, что нас тоже так будут вскоре называть.

Организаторы подчеркивают во всеуслышание, что Вы были нами приглашены, и приносим публичное извинение за то, что случилось, за то, что Вас удалили из зала Датского Парламента, любезно предоставленного Международному Слушанию Сахарова.

Я объясню Вам причину.

Госпожа Шаховская, которая получила на руки речь лауреата Нобелевской премии мира Андрея Дмитриевича Сахарова, обращенную к заседающему Международному Слушанию Сахарова, вышла с ней из зала, заявив, что не прочтет ее, если Вы будете находиться в зале. С нею вместе удалился господин Майкл Бордо. Их реакцию можно объяснить тем, что Ваше присутствие в зале, как они думали, может повредить доброму имени Андрея Дмитриевича Сахарова. Кстати, их я вскоре спрошу, что они сказали бы, если бы им пришлось сидеть рядом с представителем Датской коммунистической партии, который был приглашен наравне с Вами.

Мы, организаторы Международного Слушания (теперь-то мы можем признаться, что нас было не более 10 человек, работавших над подготовлением Слушания на тему нарушения прав человека в СССР в течение целого года, не жалея сил, денег, времени и здоровья), мы должны были действовать вопреки своим убеждениям и удалить Вас из зала, для того чтобы это чрезвычайно важное для всего мира мероприятие могло начаться. Недоразумения между Вами и госпожой Шаховской возникли не по нашей вине, и не нам их устранять. Я уверен в том, что как Вы, так и Шаховская с Майклом Бордо пали жертвой дезинформации, распространяемой неведомыми мне силами.

Я хочу спросить Вас, Майкл Вурмбранд, о чем-то. Если представители Датской коммунистической партии будут сидеть здесь завтра и задавать вопросы свидетелям, как того сами свидетели желали, откажетесь ли Вы сидеть здесь? Я думаю, что Вы останетесь, так как правда на нашей стороне и нам ли бояться провокационных вопросов? Их вопросы могли бы только помочь свидетелям, а ни в коем случае не повредить.

Мы, организаторы Международного Слушания Сахарова, приглашаем Вас, господин Вурмбранд, если Вы готовы забыть обиду, Вам причиненную, занять Ваше место в комиссии по расследованию показаний свидетелей.

Я надеюсь, что Вы, благодаря личным контактам с госпожой Шаховской и господином Бордо, договоритесь о спорных вопросах, возникших между Вами.

От имени комитета — Бернард Караватский».

Это извинение не было только личной инициативой г-на Караватского, что следует из официального извинения комитета перед пастором Вурмбрандом от 23 октября 1975 г., подписанного от имени комитета г-ном Эрно Эстерхазом. В этом извинении есть такое место: «Г-н Бернард Караватский, член нашего организационного комитета, громко прочел для прессы вечером 17 октября между 6 и 7 часами пополудни декларацию, в которой г-н Караватский извиняется за причиненную Вам несправедливость. Вы сами в это время присутствовали на собрании и получили копию этой декларации».

Таким образом, текст извинения г-на Караватского можно считать официальным текстом комитета. В извинении, подписанном г-ном Эстерхазом, снова упоминается о недостаточной нейтральности пастора Вурмбранда по отношению к советскому режиму.

Советская пропаганда называет пастора Вурмбранда реакционером, как она называет каждого противника советского режима. Но неужели г-жа Шаховская переняла эту терминологию для обоснования своего протеста? Текст извинения и очевидцы на это указывают.

Еще за месяц до слушания она добила отвода убеж-

денного антикоммуниста Д. М. Панина как свидетеля, а на самом слушании исключения А. Шифрина. Когда Д. Панин спросил г-жу Шаховскую, что она имеет против него, она ответила, что лично против него ничего не имеет, но что ее просили так поступить. Однако она отказалась ответить на вопрос, кто ее об этом просил. Об этом разговоре свидетельствует Д. Панин.

Б. Караватский в своем извинении перед пастором Вурмбрандом высказывает предположение, что З. Шаховская и М. Бордо пали жертвой дезинформации, распространяемой неведомыми ему силами. Д. Панину З. Шаховская сказала, что ее кто-то попросил так поступить. Мы полагаем, что г-жа Шаховская действовала, в самом деле, не от себя, но силы, распространяющие дезинформацию, представляются нам не неведомыми, а, напротив, что-то уж очень знакомыми. Но весьма возможно, что г-жа Шаховская их не распознала.

Журнал «Зарубежье» охотно предоставит г-же Шаховской возможность для любого объяснения ее поступка.

Но теперь мы должны поговорить о принципиальном значении происшедшего. Прежде всего, мы не можем не упрекнуть комитет в том, что он, поставленный в затруднительное положение г-дами Шаховской и Бордо, прибег к такому странному термину, как «недостаточная нейтральность» пастора Вурмбранда по отношению к советскому режиму. Что значит быть нейтральным по отношению к этому режиму? Выражение это, видимо, взято из обычного юридического кодекса. Однако по отношению к какому-нибудь отдельному обвиняемому можно, конечно, особенно в большом городе, подобрать таких присяжных заседателей, которые бы этого обвиняемого не знали и не имели бы к нему ни личной симпатии, ни личной антипатии. Но как можно подобрать для жюри Сахаровского слушания таких членов, которые бы до того ничего не слышали о советском режиме и не составили бы себе о нем какого-нибудь, хотя бы поверхностного, мнения? Для этого надо было бы поехать в девственные леса Новой Гвинеи, потому что в городах этого острова папуасская интеллигенция, вероятно, слышала уже что-либо о советском режиме и составила себе о нем то или иное представление. Г-жа Шаховская не только сама осталась в жюри, но и взяла на себя инициативу изгнания «не нейтрального» пастора Вурмбранда, она сама себя, видимо, считает по отношению к советскому режиму нейтральной. Но эту нейтральность нельзя понимать в смысле полной неосведомленности об этом режиме. Значит ее нейтральность заключается в том, что она относится к режиму равнодушно, безразлично, у нее нет миссии помощи страдающим от режима? Однако она же печатает все-таки в редактируемой ею газете «Русская мысль» имена преследуемых в Сов. Союзе. Стало быть, у нее есть какая-то миссия? Остается только предположить, что нейтральность г-жи Шаховской по отношению к советскому режиму заключается в том, что она не антикоммунистка. Или есть еще какое-нибудь решение? Вся эта путаница терминологии и исходящие из нее действия заставляют нас пристально приглядеться к этим проблемам.

Мы совершенно убеждены в том, что политическая терминология во многом определяет также и политическую деятельность, а тем самым и судьбы мира. Терминология должна быть точной и ясной и правильно определять феномен. Коммунисты очень хорошо понимают большую роль терминологии. Не жалея усилий, они терпеливо и настойчиво стараются привить Западу неправильную, ложную, выгодную им терминологию и достигают нередко больших успехов. Так они навязали Западу слово «фашизм» для национал-социализма, чтобы скрыть, что и здесь дело шло о социализме и что этот страшный феномен возник слева, а не справа. Они привили название «Германская Демократическая Республика» вместо «зона советской оккупации для Восточной Германии», хотя уже в самом термине заключается ложь: коммунистический режим в Восточной Германии совсем не демократический. Примеров привести можно очень много.

Большим успехом коммунистов на Западе была дискредитация понятия «антикоммунист». Свою кампанию по дискредитации этого понятия они начали на Западе, особенно в тогда еще антикоммунистической Западной Германии, в конце 50-х гг. Им удалось, в самом деле, в значительной степени, хотя и не совсем, вытеснить это понятие из умов людей, заставить многих стесняться называть себя открыто антикоммунистом, хотя те же люди нисколько не стеснялись называть себя антифашистами или антинацистами. Отчего можно было быть против одного тоталитарного и жестокого режима и нельзя было быть против другого, не менее тоталитарного и уж никак не менее жестокого режима, этого никто рационально объяснить не мог. Рациональных аргументов не было, но удалось создать некую иррациональную атмосферу, в которой было вполне «комильфо» называть себя антифашистом, но было «не комильфо» называть себя антикоммунистом. Эта атмосфера не мало виновата в том, что Запад становится все слабее и уступчивее по отношению к коммунизму. Не случайно Кисинджер, которого А. Солженицын так горько и справедливо критиковал, старается и в США вытравить понятие антикоммунизма.

Русская эмиграция всегда была антикоммунистической и никогда этого не только не стыдилась, но, наоборот, этим гордилась. Собственно говоря, только русская эмиграция является чисто антикоммунистической, тогда как среди эмиграции других восточноевропейских стран есть немало не столь антикоммунистических, как антирусских элементов. Есть люди, которые все еще смешивают коммунизм с русским национализмом и потому настроены скорее антирусски, чем антикоммунистически. Но русской эмиграции, понятно, не пристало быть настроенной антирусски, а потому она — чисто антикоммунистическая.

И она именно — антикоммунистическая, а не только некоммунистическая. Покойный Ю. Б. Марголин писал, что он — не католик, но и не антикатолик, он — не буддист, но и не антибуддист и т. д., но почему же он не может быть только некоммунистом, не будучи антикоммунистом? Потому, что коммунизм сам не нейтрален по отношению к тем людям, которые его не хотят. Он протягивает захватническую и душащую руку к ним всем, он хочет покорить и подчинить их всех себе силою. Вот почему недостаточно быть только некоммунистом, а надо быть антикоммунистом.

А. Солженицын сказал в одной из своих речей, что антикоммунизм только отрицательное понятие, надо же иметь что-то положительное. Но мы же имеем положительное, и еще какое! Абсолютное и вечное. Это — христианство. Всякий верующий христианин, храня как зеницу ока свое положительное, свою веру в Бога Единого и Иисуса Христа, одновременно, по нашему мнению, должен быть противником той идеологии и системы, которая поставила своей целью насильственное уничтожение всех религий, должен быть антикоммунистом. Одно другому не только не мешает, одно другое предполагает.

Но коммунизм стремится уничтожить все религии, а поэтому противником коммунизма неизбежно становится и верующий иудей, и верующий мусульманин. Антикоммунистом может быть, однако, и атеист. Коммунизм — это не атеизм, а антиатеизм, воинствующее богоборчество. Атеист, не веря сам, но будучи терпимым к верованиям других, больше того, уважающий эти верования, стремящийся к свободе и справедливости не только для себя, но и для других, такой атеист тоже будет антикоммунистом и также нашим союзником. Антикоммунизм — это широкое понятие и совсем не только отрицательное. Отрицая коммунизм как страшную доктрину и систему насилия, антикоммунизм тем самым утверждает ценности свободы и человеческого достоинства. Ни нацист, ни фашист не может быть настоящим антикоммунистом, так же как и коммунист не может быть антинацистом или антифашистом. Все это родственные системы, и не случайно немецкие нацисты переходили легко и непосредственно в Объединенную социалистическую партию Восточной Герма-

нии, а эсесовцы сейчас же находили себе место в органах безопасности Восточного Берлина.

Нет, антикоммунизма мы никому не отдадим. И поэтому чрезвычайно тревожно настраивают первые попытки из среды эмиграции дискредитировать антикоммунистов и тем самым антикоммунизм. Так это началось на Западе. В Западной Германии мы видели это очень ясно. Эмиграция должна дружно встать против всяких подобных попыток. Русская эмиграция должна остаться антикоммунистической, ведь если соль перестанет быть соленой, на что она пригодится?

Однако неприятные происшествия на слушании Сахарова не ограничились выступлением З. Шаховской против пастора Вурмбранда. Пять человек из новоприехавших из СССР выступили со следующей декларацией:

«Декларация на имя жюри.

Решив принять участие в Международном Сахаровском слушании, нижеподписавшиеся свидетели надеялись, что этот серьезный и авторитетный форум посвятит себя точному и объективному определению настоящего положения прав человека в Сов. Союзе.

Мы убедились, что жюри, организаторы, большая часть свидетелей и председатель Международного Сахаровского слушания одинаково стараются, чтобы говорилось только правда. Однако некоторые свидетели были больше заинтересованы в принципиальных объяснениях и декларациях, чем в фактах. Подобные свидетельства выделяются своим тоном и направлением. Это заставляет нас передать жюри Международного слушания следующую декларацию.

Каждый из нас имеет право на свои личные политические, религиозные и философские взгляды, но мы собрались здесь не для того, чтобы проповедывать их.

Принципы движения за права человека в СССР, самым выдающимся представителем которого является академик Андрей Дмитриевич Сахаров, выражает периодическое издание движения «Хроника текущих событий».

Движение за права человека возникло в результате широко распространенного желания, чтобы в нашей стране безоговорочно уважалось человеческое достоинство и соблюдались неприкосновенные права человека. Участники этого движения не занимались и не занимаются антисоветской пропагандой, в чем их обвиняет советская власть. Они борются за свободу слова, печати и совести, за прекращение всех дискриминаций, за то, чтобы обеспечить свободное высказывание всех политических и религиозных убеждений. Их действия и выступления были всегда открыты, потому что им скрывать нечего. Нами, участниками этого движения, руководят принципы гуманизма, которые и советская идеология не может отрицать перед международным общественным мнением. Верность этим принципам и есть моральная сила движения за права человека в СССР, верность этим принципам есть и залог взаимного понимания между инакомыслящими Сов. Союза и всеми людьми доброй воли во всем теперешнем мире.

В условиях нарастающего преследования Движение за права человека в Сов. Союзе всегда старалось быть точным и объективным в публикации сведений и старалось не попасть под влияние эмоциональных или идеологических предрассудков. Факты и точность в деталях убеждают и производят большее впечатление, чем принципиальные декларации и речи, полные ненависти. Это еще раз подтвердилось во время Международного слушания.

Забота о судьбе отдельных людей есть величайшая из всех человеческих добродетелей и поэтому она никак не должна стать орудием пропаганды в политической борьбе.

Борьба за защиту прав человека объединяет людей, тогда как политическая борьба их разъединяет. Нобелевская премия была присуждена Сахарову как раз за его борьбу по защите прав человека, а не за борьбу против политического режима.

Мы считаем себя обязанными заявить, что те элементы нетерпимости и предвзятости, тот недостаток объективности, те пропагандные нотки, которые мы слышали от некоторых свидетелей, принципиально не совместимы с нашим присутствием здесь, в Копенгагене.

Поэтому мы просим жюри принять во внимание эту нашу декларацию.

Подписи: А. Григоренко
В. Балашов
Л. Квачевский
В. Файнберг
Б. Шрагин».

(Перевод с английского)

Заявление это очень странное. Прежде всего бросается в глаза, что здесь нет ни одного конкретного обвинения. Если бы подписавшие указали на определенных свидетелей поименно и конкретно сказали, в чем они были не объективны, указали бы на их ошибки, тогда их заявление можно было бы проверить и или подтвердить, или опровергнуть. Но авторы декларации ограничиваются суммарными обвинениями и подозрениями, которые бросают тень на Сахаровское слушание и ничего не выясняют. Их заявления о том, что факты убеждают больше, чем общие декларации, вполне справедливы, но, к сожалению, сами они не последовали в данном случае своим принципам и вместо конкретных фактов, которые бы убедили, дали общую туманную декларацию.

Нет сомнения также и в том, что должна соблюдаться объективность, но они ошибаются, если думают, что объективными могут быть только отдельные факты, а общая характеристика режима, выведенная из этих фактов, — это уже нечто необъективное. То, что дается характеристика режима — это само по себе не может быть названо ни объективным, ни необъективным, все дело в том, подтверждается ли эта характеристика фактами или нет. Так что общая характеристика режима может быть и вполне объективной. А насколько мы ознакомились со свидетельскими показаниями, мы можем сказать, что ни в одном из них нет чисто отвлеченных философских или религиозных установок. Все показания касаются фактического, конкретного положения в стране, хотя и не все ограничиваются только отдельными фактами местного характера.

Если авторы декларации, которые называют себя последователями А. Сахарова, считают всякую общую характеристику режима уже не объективной именно потому, что она общая, то первый упрек они должны сделать... А. Д. Сахарову, так как последний в своей книге «О стране и мире» в главе «О советском обществе» дает именно общую и притом убийственную характеристику советскому режиму.

Дальше идут совсем странные заявления, а именно, что они, мол, борются за права человека, но не ведут политической борьбы. Фраза, что борьба за права человека народы объединяет, а политическая борьба их разъединяет, такая же логическая бессмыслица, как и желание быть антитоталитаристом, но не быть при этом антикоммунистом. Борьба за права человека всегда была сугубо политической борьбой. Ни Джефферсону, написавшему на заре возникновения США свою Декларацию о правах человека, ни авторам французской Декларации прав человека и гражданина, ни ООН, провозгласившей Декларацию прав человека, и в голову не приходило, что они занимаются не политикой, а частной благотворительностью.

У многих новоприехавших очень странное представление о политике. Политика (слово происходит от греческого слова «полис», т. е. город) — это образ устройства жизни общества. Является ли это общество открытым и свободным, обеспечивает ли оно права своих граждан, или же это общество является закрытым, диктаторским или даже тоталитарным и прав своим гражданам не дает, — все это сугубо политические категории. Больше того, вся политическая борьба — это не что иное, как

борьба за права людей так, как их понимала та или иная группа, та или иная партия. И борьба за права человека, как и всякая политическая борьба, может объединять или разъединять людей. Напрасно было бы думать, что истина, если она действительно истина, людей всегда объединяет. Напротив, истина-то и разъединяет, потому что далеко не все люди хотят истины. Тот, Кто не только принес истину, но Сам был Истиной, сказал: «Думаете ли вы, что Я пришел дать вам мир на земле? нет, говорю вам, но разделение» (от Луки 12, 51). Нельзя смешать истину с ложью и гордиться таким «объединением». Настоящее объединение наступит только тогда, когда истина восторжествует.

Но вернемся к декларации пяти. В ней звучат два мотива: с одной стороны, требование для всех граждан Сов. Союза прав человека, и это, как мы уже указали, политическое требование; с другой же стороны, слова о том, что забота об отдельных людях есть самая высокая добродетель человека и не должна быть использована для политических целей. Если понять эту фразу правильно, то это означает, что единственная деятельность, которую авторы декларации признают, — это благотворительная деятельность по отношению к жертвам режима. Например посылки заключенным, материальная поддержка детей заключенных и т. д. Сюда же войдет и просьба об амнистии отдельным заключенным. Эта деятельность, действительно, не политическая, хотя советский режим может и ее отнести к политике.

Пусть нас поймут правильно: эта деятельность чрезвычайно важная. К сожалению, трудно ожидать в скором времени обеспечения прав человека в СССР, а детей надо накормить сегодня же. Те люди, которые бы посвятили себя только этой деятельности, не заслужили бы ни малейшего осуждения. Но, конечно, ясно, что, облегчая участь отдельных людей, они, если б и изменили общее положение, то, может быть, через сотни лет. Общее положение осталось бы прежним, и после амнистирования одной жертвы были бы арестованы две новые. Однако, если пять авторов призывают ограничиться только этой деятельностью, то они должны это прямо сказать и оставить всякую борьбу за права человека вообще, потому что она выходит за рамки личной благотворительности.

А. Д. Сахаров, занимаясь благотворительностью, о чем рассказывала его жена, не оставляет, однако, и другой деятельности. В своей книге «О стране и мире» Сахаров выставляет ряд политических требований, как, например:

Углубление экономической реформы 1956 года (как известно, свернутой на ранней стадии ее осуществления) — полная экономическая, производственная, кадровая и социальная самостоятельность предприятий;

Частичная денационализация всех видов экономической и социальной деятельности, вероятно, за исключением тяжелой промышленности, тяжелого транспорта и связи;

Закон о свободе забастовок;

Законодательное обеспечение гласности и общественного контроля над принятыми важнейшими решениями (как международных, так и внутренних, социального, экономического и экологического значения);

Законодательное подтверждение права на отделение союзных республик, права на обсуждение вопроса об отделении;

Многopартийная система.*)

Мы выбрали только некоторые пункты из каталога требований А. Д. Сахарова. Мы думаем, что Сахаров написал свою книгу и издал ее на многих языках мира не для того, чтобы те люди, которые называют себя его соратниками и последователями, скрывали от мировой общественности сущность поставленных им требований

смазывали то содержание, за которое он борется, и сводили бы его к одной личной благотворительности.

После выступления В. Балашова, которое, кстати сказать, было довольно-таки эмоциональным, его спросили: каким образом он думает, с одной стороны, сохранить в неприкосновенности советский режим, против которого, по его мнению, бороться нельзя, а, с другой стороны, обеспечить права человека? В самом деле, как может остаться режим насилия и произвола и одновременно быть обеспечены права человека? Как могут быть сыты волки и целы овцы?

Путаясь, В. Балашов, в конце концов, ответил, что они не намерены бороться с режимом путем насилия, путем вооруженного восстания. Также, отвечая на вопросы о литовских заключенных, он свел политическую борьбу к террору и насилию, от которого отказался.

Но ведь это же полная бессмыслица! Если б политическая борьба была равнозначна насильственному перевороту, террору, вооруженному восстанию, то пришлось бы признать, что в западных странах ни одна демократическая партия не занимается политикой. Ведь ни одна демократическая партия не ставит своей задачей свергнуть данное правительство силой или провести ту или иную нужную, по ее мнению, реформу путем террора! Напротив, террор, насилие в демократических странах уже выходит за рамки истинно политического и становится просто бесцельно разрушительным, что как раз нарушает категории политики.

Иное дело, конечно, диктатуры и тоталитарные государства, где нельзя полностью исключать и революционных действий. Однако А. Д. Сахаров их исключает полностью. «И я могу только молить судьбу, чтобы выход из этого тупика не сопровождался такими гигантскими потрясениями, о которых мы пока не имеем даже представления. Вот почему я эволюционист, реформист».*)

С Сахаровым можно соглашаться или не соглашаться, но никто не может приписать Сахарову намерения применить насильственные средства. Однако это уже совсем другой вопрос: это вопрос средств. Желание изменения диктаторского режима мирным путем, путем эволюции и реформ — это тоже желание его изменения и тем самым борьба против него в его теперешнем обличьи. Еще раз: сущность политики заключается, даже прежде всего, в эволюции и реформах, если они сколько-нибудь возможны. Только при их полной невозможности непрерывное давление сверху вызывает, в конце концов, взрыв, восстание или революцию.

Как же понять путаное заявление пяти? Может быть, это просто полная неосведомленность в сущности политики и в политической терминологии? Может быть, это перестраховка, понятная у людей, только что приехавших из Сов. Союза? А может быть, это и желание все запутать, особенно запутать западного человека и внушить ему, что советский режим надо оставить в полной неприкосновенности, что не надо бороться против его жестокостей даже мирными, чисто политическими средствами, а надо только благотворительствовать его жертвам, давать на это деньги, как дают деньги на питание для голодающих в Индии, а советский режим, как таковой, пусть себе процветает и дальше.

Какие бы субъективные мотивы ни руководили авторами этой декларации, мы считаем путаницу понятий чрезвычайно опасным делом и поэтому, не взирая на лица, будем добиваться всегда точной и ясной терминологии.

А к эмиграции мы хотим обратиться с напоминанием, что необходимы сугубое внимание и анализ. Не всякий приехавший из Сов. Союза и объявляющий себя соратником и последователем Сахарова на самом деле таков. Возможны и самозванцы. Легитимаций их мы не видели. Нелепо подозревать каждого, но нелепо и верить каж-

*) Андрей Сахаров, О стране и мире. Издательство «Хроника», 1975, стр. 69–71.

*) Там же, стр. 23.

дому. Эмиграция должна преодолеть угар восторга по поводу новоприезжающих и отнестись к ним трезво и разумно.

Слушание Сахарова было организовано небольшой группой жертвенных людей, почти совсем лишенных материальных средств. Может быть, их ошибкой было назвать это слушание именем Сахарова, человека, находящегося в Сов. Союзе, который сам не мог в достаточной мере руководить им. Может быть, было бы лучше, если бы его возглавил человек, находящийся уже на Западе. Но,

насколько нам известно, Сахаров сам проявил инициативу такого слушания.

Так или иначе, организаторы, старавшиеся сделать все как можно лучше, не заслужили тех помех нормальному течению этого слушания, какие произошли по инициативе З. А. Шаховской и декларации пяти. То, что последним было разрешено зачитать эту декларацию, было ошибкой комитета, которую он и признал как ошибку, потому что дело жюри судить о достоверности того или иного свидетеля, это не дело других свидетелей.

Свидетельские показания

В числе свидетелей были люди, которые рассказали много и дали много фактического материала о чрезвычайных несправедливостях и жестокостях советского режима. Картина получилась довольно полная. Наряду с описаниями общих преследований, было указано на специальное преследование отдельных групп, как, например, крымских татар или литовцев по нацио-

нальному признаку, или баптистов по религиозному признаку. Ниже мы приводим некоторые из показаний, касающиеся общего характера режима и тех преследований, которым подвергаются люди всех народностей и убеждений, если последние расходятся с марксизмом-ленинизмом.

АЛЕКСАНДР ВАРДИ

НАРУШЕНИЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СССР В СФЕРЕ ВОСПИТАНИЯ

Коммунистические правители разжигают отрицательные эмоции, в особенности — разные формы ненависти: ненависти к некоммунистическим идеям, культурам, обществам, государствам, классовую, партийную, политическую и межнациональную ненависть.

Искавление человеческих душ, воспитание нетерпимости, ненависти, беспощадности, агрессивности начинается уже в дошкольных учреждениях коммунистических стран, главным образом в Советском Союзе.

В 1971 году в издательстве Гохвахт в Бонне—Бад-Годесберге вышла книга Ольги Правосудович под названием «Немцы в советских журналах для детей» (92 стр.). Правосудович сделала обзор и анализ содержания номеров двух советских детских журналов, изданных ЦК комсомола за 5 лет — с 1966 по 1970 год включительно. Название журнала для дошкольников «Веселые картинки», а для 7—9-летних детей — «Мурзилка».

Она включила в свою книгу 30 иллюстраций (перепечатки из упомянутых журналов). Правосудович показала, что даже маленьких детей, даже не умеющих еще читать, воспитывают в духе ненависти к немцам-фашистам. Причем эти слова преподносят как синонимы народов западных стран. Одновременно в этих журналах воспевают, возвеличивают войну, поимку заключенных и вообще «врагов» при помощи собак, воспевают боевитость, то есть агрессивность и беспощадность, слепое подчинение, так называемую беззаветную веру в вождя и преданность им до последнего вздоха.

Детские игрушки — это главным образом образцы военной техники. Куклы в военной форме и доспехах. Детские игры — главным образом военные. Книжки для самых маленьких, для подростков и для молодежи полны жестоких небылиц. В них превозносят чекистов, войну, шпионаж и контршпионаж, ненависть и беспощадность к врагам. Враги, то-есть американские и другие «империалисты», «колонизаторы», «фашисты» и тому подобные жупелы, изображаются так, что в детской психике возникает и закрепляется истерическая ненависть к Западу.

Характерно в связи с этим письмо читательницы «Литературной газеты», опубликованное в этой газете 29 августа 1973 года. Вот это письмо без сокращений:

«Уважаемая редакция! Собираясь в гости, где есть мальчик, я решила купить для него сказку «Чудесный родник». Но прежде чем подарить книгу, я решила сама прочесть ее. После прочтения я пришла в ужас. Если нужно воспитать в маленьком человеке садиста, так эта

детская сказка легко справится с такой задачей. Она научит, как отрезать язык, выколоть глаза и отрубить пальцы на руках. Очень неприятно читать такую сказку взрослому человеку, а дети иногда сказки принимают за действительность. Как можно выпускать такие книги для детей? Агафонова, Ленинград».

Комментарии излишни.

Ненависть к инакомыслящим, к порядкам в открытых демократических обществах продолжают разжигать во всех школах — от начальных до высших, а также на собраниях, митингах, политбеседах, лекциях, в различных кружках, семинарах, на политзанятиях по месту работы и жительства (для домохозяек), в армии, в военизированных организациях (ДОСААФ, «Орленок»), даже в концлагерях и так далее.

Практически, все это преломляется в душах людей так, что объектами воспаленной, не только разрешенной, но и одобряемой, обязательной ненависти становятся часто люди из ближайшего окружения. Врагами, недостойными пощадки, становятся в представлении детей кошки и собаки, так как, мол, они разносят нечистоты, воробьи, так как они «воруют на полях» столь дефицитное в СССР зерно, и так далее.

Садизм чекистов всех рангов и мастей, а также чинов милиции, прокуратуры, судов — это, в значительной мере, следствие многолетнего, принудительного воспитания советских граждан с раннего их детства в духе воспаленной ненависти к тем, кого приказано ненавидеть, уничтожать.

Жестокость порождает ненависть, а ненависть — жестокость.

Конечно, патологическая беспощадность чекистов и других советских начальников вызывала и вызывает ответную ненависть жертв диктатуры к пытателям, казненным убийцам и мучителям.

Вследствие всего этого ноосфера советского общества все более насыщается отрицательными эмоциями. Это — ноосфера inferнального, катастрофического коммунистического общества.

В передовой статье органа ЦК КПСС, Верховного Совета и Совета Министров РСФСР газете «Советская Россия», в номере за 11-е марта 1969 года читаем:

«Нужно воспитывать у советских людей ненависть, жгучую ненависть ко всему, что мешает нашему движению вперед».

Разве это не то же самое, что практиковали в Океании, которую описал Орвелл в книге «1984»?

Как и в Океании, советские правители разжигают ненависть к инакомыслящим и к другим государствам. На экранах кино идет множество антиамериканских и вообще антидемократических, антизападных фильмов.

В советских театрах ставят пьесы, возбуждающие ненависть к Соединенным Штатам Америки, к Федеративной Республике Германии и другим высокоразвитым демократическим государствам. Мы имеем в виду, например, такие советские пьесы: «Три минуты Мартина Грау», автор — Боровик; «Обратный счет» Рамзина, «Дорогой мальчик» Михалкова, «Под кожей статуи Свободы» Евтушенко.

В марте и апреле текущего года, в связи с убийством короля Саудовской Аравии Фейсала, в советских органах массовой информации провели очередную антиамериканскую кампанию. Давали понять, что убийство Фейсала — дело рук ЦРУ. Это вызвало официальный протест Госдепартамента.

В органе Верховного Совета СССР газете «Известия» 24 августа текущего года напечатана статья Михайлова «Фашистские оборотни». Михайлов убеждал советских читателей, что в Англии распоясались четыре фашистских организации: «Союз генерала Уокера», «Отряд полковника Стирлинга», «Национальная ассоциация групп действия налогоплательщиков» и «Национальный фронт». Михайлов пытается создать впечатление, что если Англия еще не полностью в руках «бешеных», то вот-вот станет их жертвой. Михайлов раздувает, как обычно, жупел мировой, сионистской опасности. Он пишет, в частности, о неких «сионистских штурмовых отрядах» в США и в странах Западной Европы, которые, мол, осуществляют тотальное «уграшение».

Вообще, официальный советский антиеврейский шовинизм, выступающий сейчас в форме истерического антисионизма, принадлежит к числу самых тяжких и позорных преступлений советских правителей против человечности и человечества.

Есть много известных международной общественности явлений, которые ясно показывают, что советский антисионизм — это использование в империалистических и внутрисполитических темных, преступных целях разжигания ненависти к евреям. Внутри страны — это абсурд возложения на евреев ответственности за ужасающие преступления режима. И это средство разжигания ненависти к Западу, а также пропагандная подготовка к возможной прямой агрессии на Ближнем Востоке — к высадке там советских войск. В международной политике — это демагогическая завеса экспансионизма и отравление ненавистью психики арабов с целью захвата Ближнего Востока и нанесения Западу решающего флангового удара.

Подготовка к войне или войнам определяет всю жизнь советского общества. Разжигание ненависти к Западу — одна из важнейших составляющих этой подготовки. О советской гонке вооружений и экспорте советского оружия знают многие. Менее известна тотальность военного обучения населения. Например в средних школах каждый учащийся сдает несколько экзаменов по программе «Готов к труду и обороне». На уроках воинской подготовки дети стреляют из боевого оружия. Читайте, например, в «Литературной газете» за 21-е и 28-е мая текущего года очерк Чайковской о том, как из ревности школьница убила мальчика из своего класса в школьном тире на уроке стрельбы из боевых винтовок. В «Комсомольской правде» за 31 июля текущего года на первой странице дан отчет о всесоюзных военных маневрах военизированной организации «Орленок». На фотографиях мальчики и девочки в военной форме с автоматами Калашникова, гранатами и другим снаряжением преодолевают препятствия в ходе «боя». Пролитайтесь советские газеты. Прочитайте заголовки. Вы увидите, как военизирован советский язык. Все там — «фронт», «атака», «разведка боем», «фронтальное наступление». Даже прополку колхозных огородов называют «прополочным фронтом». На фотомонтажах, избоб-

ражающих американских солдат, видны лица дегенератов. Уроки Геббельса и Штрайхера в Москве не забыли. Смотрите, например, фотографии в «Комсомольской правде» за 4 января 1973 года.

Рой Медведев в статье «Еще раз о демократизации и разрядке», опубликованной, в частности, «Свободой» (номер 1680), а также ЮПИ 28 апреля 1974 года, «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» 29 апреля 1974 года, писал:

«Как правило, простые люди в нашей стране поверили в распространяемую советской печатью версию о готовящемся вторжении в Чехословакию войск ФРГ и НАТО».

Подобную дезинформацию советские правители распространяли и во время вторжения в Венгрию в ноябре 1956 года и накануне готовившейся высадки советских войск в Синае в октябре 1973 года. Вашингтон привел тогда свои вооруженные силы в состояние боевой готовности и это предотвратило советскую агрессию.

Вот как определяют советские правители мирное сосуществование в учебнике для Высших школ СССР «Марксистско-ленинская философия. Дialectический материализм», Москва, издательство «Мысль». Это — внутренняя установка, не для экспорта. На стр. 171 читаем:

«Мирное сосуществование не означает отказа от революционного преобразования общества, оно не пассивное выжидание автоматического краха империализма. Мирное сосуществование в современных условиях выступает наиболее концентрированным выражением классовой борьбы в международном масштабе».

Как видим, не для подлинного мирного сосуществования, а для агрессивной войны разжигают правители в советском народе ненависть к другим идеям, культурам, народам, государствам. Советские правители пользуются тем, что превратили советское общество в изолированное, закрытое, или, как писал Солженицын, в «оглушенную зону».

В Нобелевской лекции по литературе Александр Солженицын писал:

«Внутри оглушенной зоны живут как бы не жители Земли, а марсианский корпус; они толком ничего не знают об остальной Земле и готовы пойти топтать ее в святой уверенности, что освобождают».

Об этой опасности предупредили мир также Орлов, Турчин и Татьяна Ходорович в «Обращении к общественности западных стран» (Москва, 21 апреля 1975 года, публикация «Свободы» № 2160), а также Михайлов в статье «Открытое письмо братьям Медведевым» (Москва, январь 1974 г., публикация «Свободы» № 1548).

Как видим, разжигание советскими правителями ненависти к инакомыслящим и Западу далеко не только внутреннее дело Советского Союза. Ведь, как учит история, разжигание ненависти — это важнейшая предпосылка осуществления агрессии. Людей, не отравленных ненавистью, трудно бросить в огонь войны, трудно заставить умирать во имя создания на земле орвелловского мира, планетарной тюрьмы народов.

Человеконенавистническая практика советских правителей, разжигающая ненависть к другим, угрожает всему человечеству.

Смысл и цель этого выступления в том, что в СССР нарушаются права человека в сфере воспитания и образования.

Дети имеют право на гуманное воспитание. Дети и родители, все общество имеют право предотвратить превращение ребенка в злобное существо, обולваненное казенной идеологией ненависти к инакомыслящим, к другим культурам, мировоззрениям, общественным порядкам, нациям, государствам.

Люди имеют право добиваться гуманизации человека и общества и бороться с демонизацией жизни, с превращением ее в побоище, вдохновленное очередным в истории человечества идеологическим заблуждением, очередной эпидемией массовой агрессивности и самоубийственного безумия.

А. ШИФРИН*)

РАБЫ РАБОТАЮТ ДЛЯ СВОБОДНЫХ

Принято считать, что рабство в современном мире давно уничтожено. Оно невозможно в цивилизованном мире, живущем под эгидой ООН, скажете вы.

И в США давно в судах не было прецедента, основанного на законе, запрещающем использование рабского труда и покупку продукции, сделанной руками рабов; а закон такой в США есть.

Но, оказывается, торговцы в США и во всем мире хорошо понимают смысл изречения римского императора Веспасиана «деньги не пахнут!» — и покупают в СССР то, что сделано там сегодня рабами-заклоченными.

Небольшая группа бывших политзаключенных СССР, приехав в Израиль, обратилась в AFL-CIO с сообщением-свидетельством о наличии рабского принудительного труда в концлагерях СССР в наши дни, рассказала о нечеловеческих условиях труда заключенных. И предложила провести расследование, создать Исследовательский центр, который мог бы собрать показания тысяч бывших з-к из СССР, прибывших уже на Запад; представить миру строго фактическую картину того, что сегодня происходит в концлагерях СССР.

Но AFL-CIO лишь посочувствовали и от проведения этой работы отказались.

И все же в Израиле ведут сбор этих сведений: без денег, лишь силами добровольцев (которым надо бы заново устраивать свою жизнь...).

Давайте же познакомимся с некоторыми, поразительными, даже для нас — выходцев из СССР — фактами.

Начнем с заготовки в СССР леса, деловой древесины. Всем известно, что лесные массивы в СССР громадны. Они тянутся на тысячи километров. О том, что чащи этих лесов насыщены концлагерями, как шерсть дворовой собаки блохами, знают далеко не все. По данным Госдепартамента США, в 1953 г. руками заключенных добывалось в СССР подавляющее количество лесоматериалов.

Изменилась ли ситуация в послесталинской стране? Вот показание Т. Бродецкой за 1960 г.; она, будучи арестованной за свои убеждения как сионистка, желающая выехать в Израиль, работала в лагерях Иркутской и Кемеровской областей на лесоповале: около 500 женщин ее лагеря, ежедневно утопая в снегах, замерзая в тайге, делали работу, непосильную и мужчинам. «Работали мы ручными пилами», — вспоминает Тина Бродецкая.

А вот показания Валерия Кукуя, тоже отбывшего заключение в лагерях за сионизм. Это уже 1975 г. И на сей раз это Свердловская область, Урал. И тут заключенные заняты лесоповалом и сортировкой леса специально на экспорт, для отправки за границу. Круглосуточно, в три смены бригады заключенных ведут эту работу на ст. Новая Ляля, — свидетельствует В. Кукуй.

Но посмотрим на эту же работу не глазами заключенных. Вот свидетельство бывшего солдата советской армии, охранявшего заключенных в лесах Кемеровской области. Это, как видите, еще одна область СССР, упоминаемая свидетелями. Михаил Нейбургер рассказывает, что их конвойная воинская часть в 1967 г. охраняла 18 лагерей, в каждом из которых было от 400 до 800 заключенных, работавших на лесоповале в тайге. Лес этот сплавляли по рекам и отбирали из него то, что годилось на экспорт, за границу. М. Нейбургер говорит: «В Кемеровской области много лагерей и большинство из заключенных работает на лесоповале; число лагерей в области превышает сотню».

Как видим из этих показаний, система обслуживания лесозаготовок для экспорта и местных нужд силами рабов-заклоченных в СССР не изменилась и сегодня.

*) А. Шифрин — автор книги «Четвертое измерение», Франкфурт/М. 1972.

Да это и понятно; кто же захочет уехать из города, где хоть хлеба можно купить, в глухую тайгу, где, по общему выражению администрации лагерей, «закон в руках медведей» и где голодная жизнь в нечеловеческих условиях, которую описывает ряд свидетелей. Вот, например, Хаим Голан: он не был заключенным, а «всего лишь» ссыльным за инакомыслие. Ужас его простого и безыскусственного повествования бросает в дрожь: в Сыктывкаре, на Севере СССР, заброшенные на баржах (вплавку в общих трюмах) вглубь тайги на съедение комарам, эти люди получали муку (по 350 г. в день) и забалтывали ее на речной воде: это было их единственной едой. Жили в шалашах, без кроватей и постельных принадлежностей, без врачей, без медикаментов, без овощей и мяса. Эти люди работали и умирали в тайге. А заготавливали, по свидетельству Х. Голана, ценные породы леса на экспорт: этого не скрывал от них никто. И сам я, будучи в советских лагерях с 1953 по 1963 г., не раз работал на лесоповале в тайге Иркутской области и в Мордовии.

Не раз я видел отчаявшихся заключенных, которые предпринимали смерть непосильной каторжной работе: шли в сторону от места работы на верную гибель от пули конвоя. Ведь за «предупреждение побега» конвоир-солдат получает отпуск домой. Видел я дважды и случаи, когда доведенные до предела з-к отрубали себе пальцы топором и, расщепив ствол спиленного дерева, закладывали этот «дар» тем, кто покупал этот лес за границей, свободлюбивым партнерам СССР по торговле.

В 1974 г. в США я познакомился кое с кем из американских бизнесменов-лесопромышленников и спросил их, были ли случаи, чтобы в купленном в СССР лесу находили отрубленные кисти или пальцы человеческих рук. Мне ответили утвердительно. «Почему же вы не сообщали об этих фактах?» — спросил я. Оказывается, иногда сообщали, но не всегда. «Нам же надо дальше вести торговлю», — объясняли мне.

Перейдем от лесоматериалов к экспорту другого сырья из СССР в страны Запада. Вот, например, нефть, «черное золото», так ценимое сегодня в мире торговли. Свидетель И. Альмагор рассказывает, что в лагерях в г. Ухте, Коми АССР, он вел геологоразведку, бурение, а потом добычу нефти в четырех нефтяных шахтах. В их лагере было более трех тысяч заключенных, которые умирали от нечеловеческих условий труда. А нефть и ее производное — масло для самолетов — шли на экспорт за границу. Он же рассказывает о постройке силами рабов-заклоченных нефтепровода в Чибью, где опять-таки заключенные построили нефтеперерабатывающий комбинат военного значения. Там же производилась сажа, и они ее упаковывали в мешки со штампом «СССР — экспорт». Одно время работал Альмагор в лагере на добыче тяжелой воды, которая тоже шла на экспорт: за полную весовую валюту СССР отдает и это, хотя сам СССР нуждается в тяжелой воде для производства атомных бомб. И эти лагеря существуют и сегодня, и их продукция в наше время закупается Западом.

А вот «легкая» работа для женщин-политзаключенных: расщепление слюды на тончайшие листы. Делают это вручную при невыполнимых нормах дневного труда. А продукция идет в электронную промышленность СССР и западных партнеров.

Лишь недавно освободившийся политзаключенный Я. Ханцис (которого довели в лагерях до полной инвалидности) рассказал нам, что он работал в Сибири в лагерях, занятых подсобными работами для химического комбината, делающего заряды для боевых ракет СССР. Они плели из тончайшей проволоки корзины для взрывателей. А приехавшие тоже в 1975 г. из советских лагерей бывшие полит. з-к Фролов и Учитель засвидетельство-

вали, что в лагерях Мордовии на заводе они и другие заключенные делали рули для советских легковых автомобилей «Москвич» и «Чайка», а также детали для рес-сор этих и других автомобилей. Приятно ли будет узнать американцам и европейцам, купившим эти автомашины, что они держатся за рули, сделанные голодными раба-ми-заключенными?

Любители советских конфет могут тоже узнать, что коробки для экспортируемых из СССР за границу сладостей склеивают заключенные Ворошиловградской об-ласти в лагере № 24.

Заглянем в магазины советских сувениров, которые раскупаются так оживленно приезжающими иностранца-ми: и в СССР и во всех столицах мира: деревянные лож-ки, матрешки, шкатулки, расписанные мастерами Пале-ха и Хохломы. Все это работа безымянных рабов-заключенных; это они делают все эти вещи, дающие потоки валюты в СССР. Но заключенные не имеют права даже купить себе что-либо или получить продукты от родных: они голодают в лагерях. И не только сувениры из дерева делают заключенные: полюбуйте в тех же магазинах сувениров на резьбу по кости, по рогу, чеканку по сере-бу,

рога, оправленные в серебро, — все это вредная для здоровья работа, и заготовка этих изделий поручается заключенным на Кавказе.

Из десятков и сотен показаний можно сделать вывод, что ни одно предприятие в СССР не обошлось без раб-ского труда: добыча газа, строительство автозаводов и химических комбинатов, рытье котлованов и прокладка магистралей, постройка цементных фабрик и металлур-гических комбинатов — везде можно было увидеть как раньше, так и сегодня согнутые спины рабов.

В отличие от рабов древних времен современных мо-рят голодом и холодом, их достоинство унижают, их физиологические потребности подавляют. Знают ли в ми-ре, что вся эта армия заключенных мужчин и женщин живет в изоляции и не видит лиц иного пола годами и десятилетиями?

Но зато они построили для нужд и потребностей За-пада комбинат в г. Гурьеве и оттуда потоком идет в США и Европу знаменитая черная икра.

Не кажется ли вам, что совесть бизнесменов, покупа-ющих все это в СССР, тоже черная?

Рамат-Ган, 15. 8. 1975

ДИМИТРИЙ ПАНИН

О БЕЗЗАКОНИИ И ПРОИЗВОЛЕ В СССР

Массовым явлением стали факты беззакония и пре-ступлений, которые совершили и продолжают совершать власти в СССР. Астрономическое множество этих одно-именных величин следует обобщить статистическими ме-тодами. Огромное число фактов дает возможность прийти к определенным выводам и развеять существующие в свободном мире мифы.

1. Миф о великом и чистом Ленине вынуждает меня напомнить истинное положение вещей.

— Захват власти Лениным в октябре 1917 года, пуск в действие в декабре того же года машины террора (Все-российской Чрезвычайной Комиссии — ВЧК), разгон в январе 1918 года Учредительного Собрания — ввергли страну в состояние бесправия и произвола, потому что действовавшие ранее государственные законы были отме-нены, администрация и полиция уничтожены и не введена новая разработанная административно-законодательная система.

— Ленин санкционировал бессудные расстрелы, пытки, уничтожение заложников, бесчинство местных властей, расстрелы рабочих демонстраций, вооруженный грабеж деревни в эпоху стремительного развала экономики, го-лода и эпидемий, гражданской войны. С 1917 по 1923 год погибло около 20 миллионов, а с 1917 по 1953 свыше 60 миллионов, не считая военных потерь. Таковы красноре-чивые цифры. Я привожу таблицу потерь в моей книге «Записки Сологодина», вышедшей на французском языке в 1975 году.¹⁾

— Ленин навязал стране режим непрерывного террора, создав и утвердив знаменитую 58-ю статью Уголовного кодекса. Под ее многочисленные параграфы легко было подвести любого человека.

2. Миф о злом Сталине, который искажил доброго Ле-нина, также должен быть опровергнут. Сталин, конечно, был чудовищем, но ничего сам не изобрел. Он был при-лежным учеником Ленина, последовательно выполняв-шим заветы своего учителя.

Я пробыл в сталинских тюрьмах, лагерях, на каторге, в ссылке с 1940 по 1956 год и описал первый этап своих злключениях в первом томе «Записок Сологодина».

3. Миф о либеральном Хрущеве создан коммунистами в пропагандных целях.

— Хрущев вынужден был освободить заключенных, так как ряд восстаний в лагерях сделал невозможным содержание за колючей проволокой 15 миллионов. Первое такое восстание произошло еще в зените могущества Ста-лина в 1952 году на каторге в Экибастузе, и я описал его в «Записках Сологодина». Оно повлекло за собой после смерти Сталина события на Воркуте, в Кингире, Джезкас-гане и других лагерях. Если бы Хрущев не освободил огромного числа заключенных, то он вынужден был бы держать около каждого лагеря целую дивизию.

— Освобождение заключенных потребовало решить вопрос о пенсиях и начать жилищное строительство.

— Обвинение Сталина и частичная реабилитация по-литических заключенных были необходимы Хрущеву в борьбе за власть.

— Одновременно новшества Хрущева в сельском хо-зяйстве и ряде других сфер нанесли огромный вред насе-лению. Поэтому народ ненавидит Хрущева не меньше, чем Сталина.

— Один из примеров либерализма Хрущева в 1963—64 году. После испытаний водородной бомбы за полярным кругом эскимосы и другие северные народы подверглись облучению и воздействию радиоактивных осадков. Среди оленей тоже начался массовый падеж. Не понимая тол-ком, что происходит, эти народы решили обратиться за помощью и отправились за лекарствами и питанием в Якутск. За несколько километров от города толпу встре-тили карательные отряды чекистов и приказали всем вернуться на неотвратимую гибель. Люди силились объ-яснить безвыходность своего положения, но им равнодуш-но повторили бесчеловечный приказ и дали на размыш-ление 30 минут. По истечении назначенного срока чеки-сты открыли огонь из автоматов и пулеметов по безоруж-ным мирным людям, больным и измученным дорогой. Спаслось только несколько человек, которые бросились в тайгу и затем вышли к городу, минуя охраняемую дорогу.

Я узнал только в 1970 году от одного геолога, вернув-шегося из экспедиции в Якутии, об этом массовом расстре-ле северных этнических меньшинств. Ему поведали об этом его родственники татары, выселенные в Якутию. Посторонний никогда не узнал бы об этих событиях. Ты-сячи подобных массовых явлений продолжают и под Брежневым, но в силу строгой засекреченности остаются

¹⁾ Mémoires de Sologdine, Flammarion, Paris 1975; на рус-ском языке книга вышла в 1973 г. в изд-ве «Посев», Франк-фурт-на-Майне.

неизвестными населению СССР и остальному человечеству.

4. Миф об улыбках Брежнева усиленно поддерживается сторонниками «разрядки напряженности». На самом деле бесправие приняло только иные формы и в известной форме даже возросло.

Число заключенных в настоящее время не менее 1,7 миллиона, а есть версии, что их 3,5 миллиона.²⁾ В систему карательных мероприятий вошло помещение инакомыслящих в психиатрические застенки, которые в силу этого переполнены. Я приведу два типичных примера бесправия в эру Брежнева.

а) Режим Брежнева потопил в крови в 60-е годы забастовки и ряд крупных демонстраций недовольного населения. Одно из таких восстаний произошло в городе Караганде на строительстве металлургического комбината. Как обычно, поводом послужили хронические перебои в снабжении продовольствием, а на этот раз даже хлебом. Молочные продукты и овощи редко поступали в продажу и раскупались за несколько часов. В магазинах в изобилии была только водка, да и то самого низкого качества. Возмущенные рабочие завладели комбинатом, а затем и самим городом. Переговоры ни к чему не привели. Восставшие вели сражения со специальными карательными частями. Только с помощью танков, артиллерии, вертолетов удалось подавить восстание. Работы на комбинате возобновились только тогда, когда были насильно мобилизованы рабочие с других заводов. По причине сильного террора семьи пострадавших боятся рассказывать о потрясающих событиях. Одного из инженеров этого металлургического завода, очевидца события, я встретил в 1974 году в Париже. К сожалению, я не могу сообщить его имя, так как его родственники остались в СССР.

Следует обратить внимание на характерный признак террора и бесправия: созданный при Ленине институт заложников ни на один день не прекращал своего действия. В последние годы многие люди, вынужденные оказаться в эмиграции, всячески ограничивают свои высказывания об условиях существования под советским режимом. В подавляющем большинстве они боятся за своих родственников, проживающих в СССР. Я убедился, что тем же страхом за своих близких объята представители так называемой второй эмиграции, то есть те, кто не вернулся в СССР после войны 1941—1945 годов. Институт заложников в наше время достоин самого пристального внимания и оценки.

б) Уже на Западе один очевидец рассказал мне о событиях в Сибири у китайской границы. Жители этого местечка занимались лесоповалом и работали на шпалопропиточном заводе. К 1969—70 году катастрофически ухудшилось и без того скверное снабжение, но все просьбы и заявления оставались тщетными. Тогда, перед лицом голодной смерти, все взрослое население, в сопровождении детей и стариков, двинулось в ближайший город. Пограничные войска решили, что толпа хочет уйти в Китай. Не долго думая, они открыли огонь и расстреляли почти всех.

Тысячи подобных фактов замалчиваются и проходят незаметно даже для населения СССР. Это будни, мелочь. На поверхность выходят только такие крупные возмущения, как в Темиртау, Новочеркасске, Днепродзержинске, которые режиму не удалось упрятать из-за близости к центру и большой бойкоты рабочих. Но во всех отдаленных местах на тысячи километров царит «закон тайги», разрешающий полный произвол и безнаказанность местного начальства. Там смеются над Советской Конституцией и никогда не слышали о Декларации Прав Человека.

— СССР — царство эксплуатации. В моей книге «Осциллирующий мир», опубликованной в 1974 году на фран-

цузском языке,³⁾ я описываю на основе закона сохранения энергии шесть форм убийственной и тотальной эксплуатации в СССР, действовавших и продолжающих действовать на протяжении 58 лет существования режима. Наш народ освоил весьма эффективные формы глухой экономической борьбы и сопротивления. Хотя право на забастовку у рабочих отнято и участие в них рассматривается как тяжкое политическое преступление, они вспыхивают не так уж редко даже в крупных промышленных центрах. К 1970 году администрация Брежнева ввела новшество для борьбы с забастовочным движением. При больших заводах были организованы вооруженные бригады охранников, терроризирующие рабочих обысками в проходной на территорию завода, показательным обходом цехов во время работы, распусканьем слухов и другими подобными средствами. Тем самым дезорганизация и страх царят уже в начальной наиболее опасной для забастовщиков фазе, когда ведутся переговоры и объяснения друг с другом. Зачинщиков избивали и изолировали до объявления забастовки. Охранники подбирались, главным образом, из чекистов, вышедших в 40—45 лет на пенсию, так как служба в КГБ связана со всевозможными привилегиями и льготами. Чекистам, вышедшим в расцвете лет на пенсию, разрешали службу в качестве охранников, и зарплата охранника прибавлялась к пенсии.

— Широкое применение при Брежневе получило хулиганское нововведение дружинников. С виду затея была неплохая, так как в стране распространены разнообразные преступления, хулиганство, пьянство. В нерабочее время дружинники, как правило, комсомольцы и члены партии, должны были охранять порядок в общественных местах. Но главной задачей дружин стала борьба с инакомыслящими и с религией. Штурмовики Брежнева ничем не отличаются от штурмовиков Гитлера. Они часто провоцируют уличный инцидент, чтобы задержать какого-нибудь диссидента, устраивают личный обыск, проверяют содержание портфеля, отбирают книги, избивают, грозят худшей расправой. Широко известны случаи использования дружинников для разгона монастырей, религиозных собраний, для нарушения богослужений. Особенно в провинции банда дружинников может ворваться в дом любого гражданина под предлогом поисков запрещенной подпольной (самиздатской) литературы.

Таким образом, массовые бесчинства, начатые при Ленине, претерпели некоторые изменения во время сталинских чисток, так как в те годы были сосредоточены в руках НКВД (бывшее название КГБ), и усовершенствованы в эпоху Брежнева. Теперь КГБ работает с помощью дружинников и психзащитников.

5. Одно из главных преступлений режима — идеологическая обработка человека с детских лет. При всемерном ослаблении семьи насильственно внедряются марксизм и безбожие. Главная цель — внутренне разложить человека, сделать его покорным исполнителем любых приказов, низвести его в идеале до робота, слепо голосующего за все решения партии и правительства. Полученное воспитание лишает человека угрызений совести и мучительных переживаний, помогает принять преступления режима и стать их соучастником.

— Когда режим свирепствовал только 20 лет, у людей не было еще убито чувство порядочности. Аналогичные факты воспринимались по-разному в 1937 году и в настоящее время. Я помню митинг во время сталинских чисток в Московском Институте химического машиностроения, где был аспирантом. Мы, как и другие трудящиеся, вынуждены были голосовать за резолюцию о расстреле Тухачевского и других военачальников, которые были объявлены врагами народа и заклеены последними словами. Меня поразило, что люди высказывали из зала, как ошпаренные, лица у многих преподавателей и служащих были перекошены. А ведь риск был огромен, так как в те годы часто арестовывали за неподобающее выражение лица на собрании. В 1938 году я ожидал одного

3) Le Monde oscillatoire, Regain, Monte-Carlo 1974.

2) Американские сателлиты сфотографировали лагеря и подсчитали число бараклов. Исходя из того, что бараки не были переполнены, получается цифра в 2,5 млн. заключенных. Обычно же бараки бывают переполнены, и потому действительное число заключенных гораздо больше. — Ред.

служащего в Наркомате машиностроения и наблюдал за пожилым человеком, который читал газету с отчетом о процессе Бухарина и правых уклонистов. Видимо, он устал притворяться: его губы и руки тряслись, он бормотал чуть слышно слова осуждения палачам, которые довели подсудимых до чудовищного самооговора.

Через 30 лет в той же среде была уже иная картина. В 1968 году несколько молодых инженеров Московского Института строительных и дорожных машин, где я тогда работал, достаточно вольно разговаривали о советском вторжении в Чехословакию и позволили себе употребить такие слова, как «революция», «конституция», «социализм с человеческим лицом». Суд Брежнева осудил главного «говоруна» всего на три года, что доказывало, что он не был членом какой-либо организации и не преследовал никаких целей. После суда было устроено общеинститутское собрание, которое поразило меня своей низостью. Из-за трусости, аморальности и в интересах карьеры люди разного возраста, которым ничто не угрожало, изощрялись друг перед другом, наигранно возмущались, произносили обличительные мнимо патриотические речи. Режим достиг огромных успехов в развращении людей, в

насаждении у них непротivления бесправию, в попрании собственного достоинства.

— В том же институте в конце шестидесятых годов неожиданно исчезла красивая копировщица Нина. Несколько позже один инженер рассказал мне, что она была ревностной христианкой, за что была помещена со своим братом и отцом в психиатрическую больницу. Я не вмешивался в открытую политическую борьбу после заключения, так как посвятил все свое свободное время разработке иного мироустройства. Но в данном случае я предложил инженеру свое участие в протесте, при условии, что к нему присоединятся, для большей вескости, хотя бы два бывших фронтовика. Инженер отнесся резко отрицательно к моему предложению. Этот же человек рассказывал мне ранее, как он заставил сына снять крестик, который тот надел на себя под влиянием бабушки. Поведение этого инженера типично: он сам себя разоружил, боялся помыслить о сопротивлении явному произволу.

— Насаждение внутреннего рабства следует считать главным преступлением режима перед народом. Мы гораздо чаще возмущаемся внешним проявлением произвола, беззаконием, попранием прав человека и не всегда замечаем эту страшную разрушительную работу.

Л. МАРКИШ

ЭКСПЕРИМЕНТЫ НАД ЖИВЫМИ ЛЮДЬМИ

Меня зовут Люба Маркиш, моя девичья фамилия Халип. Я родилась в Москве, в 1946 г. и была воспитана своей матерью как лютеранка. Мой отец музыкант, мать — лингвист. В 1970 г. я закончила химический факультет Московского университета, в 1972 г. — редакционно-издательский факультет московского Института журналистики. Я не пострадала от советского режима так, как большинство присутствующих здесь свидетелей. Никаких идеологических столкновений с советской властью у меня не было, и ни к каким антисоветским кругам я не принадлежала.

Тема моего доклада — эксперименты на живых людях, объектом одного из таких экспериментов мне пришлось быть самой. Я должна рассказать о том аспекте нарушения прав человека в СССР, который в силу ряда причин почти неизвестен не только на Западе, но и в СССР. Выступая в качестве первого свидетеля по этому вопросу, я обязуюсь говорить только о подлинных фактах, известных мне лично, а также людям, которым я полностью доверяю.

В феврале 1969 года на опытном экспериментальном заводе под Калининым работало более двадцати беременных женщин. Поскольку этот завод производил чрезвычайно ядовитые элементоорганические соединения военного значения, беременных женщин изолировали от основного производства, собрав их вместе в отдельный цех, так, чтобы обеспечить им более благоприятные условия труда. Такова была лишь официальная версия руководства для того, чтобы держать этих работниц отдельно от других. Через несколько дней именно в этом цехе женщины почувствовали запах какого-то газа и, естественно, попытались выйти. По неизвестным им причинам дверь оказалась запертой. Несмотря на громкие крики, дверь не открывали. Стоявшая у выхода военизированная охрана спустя какое-то время выпустила только троих. Остальных выпускали маленькими группами через определенные промежутки времени, периодически запирая дверь снова. Всех женщин немедленно госпитализировали. С одной из них, Ниной Баковой, я встретила в Москве, в спецотделении Перовской больницы (я называю эту фамилию, поскольку Бакова умерла в 1972 г.). В ту пору, опасаясь за здоровье будущего ребенка, она категорически требовала от врачей прерывания беременности. Никаких медицинских противопоказаний к аборту не было.

Более того, состояние здоровья Баковой после воздействия газов могло вызвать беспокойство врачей за будущие роды. Несмотря на это, женщину силой держали в больнице под тщательным наблюдением врачей в течение шести месяцев. Ребенок родился живым, но с некоторыми отклонениями от нормы. Матери его не отдали и отправили в другую больницу. В течение года Бакова обращалась в различные инстанции, пытаясь узнать хоть что-нибудь о ребенке или хотя бы получить его труп. Однако это не дало никаких результатов. Спустя какое-то время она встретила с другими женщинами, работавшими вместе с ней на заводе. Судьба некоторых из них была аналогична. Они также никогда не увидели своих детей, хотя они родились живыми. У нескольких женщин родились мертвые дети. Часть женщин погибла — те, кто выходил из цеха в последних партиях. Никакого объяснения или компенсации никто из пострадавших не получил. Слухи о том, что на химическом заводе под Калининым был проделан эксперимент над живыми людьми, как будто не вышли за пределы заводского поселка, поскольку вскоре руководство завода предприняло самые серьезные меры, чтобы замять эту историю.

Больница, где я встретила Бакову, была одной из тех, куда отправляли людей, пострадавших от отравляющего действия различных химических препаратов. Необходимо сразу же указать, что те жертвы, о которых сейчас идет речь, не были жертвами несчастных случаев. Их всех объединяла странная, на первый взгляд непонятная кличка «крот», синоним американского названия «морская свинка». О том, что значит это безобидное слово, я впервые узнала в Москве в октябре 1968 г. в спецотделении Института гигиены труда и профессиональных заболеваний имени Обуха. Выбор слова «крот» был не случайным. По ассоциации с животным, слепым при свете дня, «кротами» называли целую невидимую армию людей. «Кроты» — это лаборанты, рабочие и иногда даже студенты, все те, кто «вслепую» работает с химическим оружием. «Кроты» — исключительно дешевая рабочая сила. Их руками производятся эксперименты чисто военного значения, причем во многих гражданских предприятиях и научных центрах, и они даже не подозревают о подлинном характере своей работы. Такая возможность существует благодаря тому, что многие советские гражданские ученые-химики занимаются также

военными исследованиями. Однако, поскольку это их неофициальная тема, или, как часто говорят, «вторая тема», характер этой работы сугубо секретен. «Кроты» крайне удобны потому, что им не нужно платить повышенную зарплату за «вредность», их обязательно обеспечивать дорогим спецоборудованием, которое должно быть при работе с супертоксичными веществами. Кроме того, «кроты» весьма удобны в бюрократической процедуре засекречивания, которая была бы необходима в случае, если бы они понимали смысл своего труда. Таким образом освобождается аппарат засекречивания, что также выгодно государству. С помощью «котов» число людей, посвященных в военные проблемы, сводится к минимуму, и искажается вся советская статистика, согласно которой число людей, официально занятых военными проблемами, значительно уменьшено. Сейчас в США живет человек, недавно приехавший из СССР, который готов подтвердить имеющуюся у него информацию о том, какими скрытыми путями маскируется милитаризация химической промышленности в СССР. Есть целый ряд химических заводов, находящихся на такой консервации, что для производства химического оружия на этих заводах потребуется не более суток.

Однако сейчас я бы хотела остановиться лишь на одном, наиболее опасном аспекте использования людей — «котов». Дело в том, что нередко эти люди дают стране не только свой труд, — порой они сами становятся объектами эксперимента. Подобные опыты часто приводят к смертельному исходу, что безусловно невыгодно для государства, так как лишает его дешевой рабочей силы. Но эта потеря вполне компенсируется теми уникальными научными результатами, которые в конечном счете остаются в руках у военных специалистов.

В американском справочнике супертоксичных веществ 1974 г. говорится: «Очевидно, что наиболее важным было бы знать как можно точнее воздействие ядов на человеческий организм, но по понятным всем причинам мы можем указать только на эффект, вызываемый каждым ядом, со ссылкой на вид животного». Очевидно советских специалистов такая неточность не устраивает. В этом же справочнике я нашла вещество, от которого пострадала сама — хлорэтилмеркантан, аналог иприта (горчичного газа). Летальная доза была указана в миллиграммах на килограмм живого веса. В качестве подопытного животного приводится кошка. Советские специалисты имели возможность проследить воздействие этого вещества на человеческий организм, причем не только на мне. Я имела возможность убедиться в этом, так как провела немало времени не во всевозможных вивариях, а в больницах, среди таких же людей — подопытных кроликов, как я сама. О том, что мне пришлось пережить, увидеть и услышать от своих друзей по несчастью, я собиралась рассказать в своей книге, подкрепив ее рядом документов, вывезенных из СССР. Книга была в стадии завершения, документы и первая часть хранились в банковском сейфе. Вторую часть я редактировала, и 3 сентября этого года она была украдена из моей квартиры. Поскольку публикация откладывается на некоторое время, я вынуждена рассказать об этой проблеме хотя бы поверхностно, ибо она представляет опасность для всего человечества.

Тот факт, что человека могут использовать в качестве объекта для эксперимента, безусловно возмутил бы людей в любой стране, а поэтому неудивительно, что подобные опыты тщательно скрываются и маскируются. Возможно, что сейчас я была бы обычным советским химиком, даже не подозревающим об этих экспериментах, если бы меня не перепутали с моей однофамилицей. И, как это обычно и бывает, я бы считала, что она погибла или от несчастного случая, или же покончила собой — обе версии легко принимают окружающие и детали никого не интересуют. Дело в том, что в 1968 году, будучи студенткой четвертого курса химического факультета МГУ, я носила фамилию первого мужа — Рябова. На курсе было две Рябовых, и мой научный руководитель не

разобрался, кто есть кто — неудивительно, нас было более трехсот человек, и он плохо знал меня лично. Впоследствии мне объяснили, что произошла «чудовищная ошибка». Меня спасли лишь благодаря громким именам моих родственников. Муж был сыном известного адмирала П. Е. Рябова, а родной брат матери и ее племянник — А. Платэ и Н. Платэ — крупные химики. Однако об этом мой научный руководитель, Пшежецкий В. С., узнал, когда я была уже в больнице. Считая меня «просто» Рябовой, он попросил меня синтезировать хлорэтилмеркантан — вещество крайне ядовитое, боевое отравляющее вещество, с которым студентам во всем мире вообще запрещено иметь дело. Если специалист-химик (не студент) работает с таким веществом, то только после того, как он дает расписку, что был предупрежден о токсичности и прошел инструктаж. Согласно инструкции, работу ведут в противогазе, защитном костюме и в лаборатории, снабженной двойной системой вентиляции. Разрешите мне привести несколько цитат из документов, вывезенных из Советского Союза, чтобы восстановить картину того, как проходила работа. Это документы химического факультета МГУ, судебных и медицинских органов, перенумерованные от 1 до 10. Итак: «Журнала инструктажа не было». «Работа проходила в обычном вытяжном шкафу». «Индивидуальными защитными приспособлениями не пользовалась» (1). Отсюда ясно, что я не подозревала о ядовитых свойствах вещества, что и подтверждает руководитель Пшежецкий: «При инструктировании Рябовой Л. Б. я не указал ей на токсичность хлорэтилмеркантана» (2). Далее отключается вентиляция. «Пшежецкий присутствовал при сборке аппаратуры, начале синтеза, а также при перегонке реакционной смеси» (1). То есть руководитель отсутствовал только тот период, когда вентиляция не работала. Кто в это время находился в лаборатории? В списке пострадавших (1) указан только один человек — я, следовательно и в лаборатории в этот период я была одна. Химикам не разрешается работать в одиночку, а студентам и подавно. Преподавателям категорически запрещено оставлять студентов в лаборатории одних, однако предположим, что отсутствие руководителя в столь критический момент — случайность. Но в этом же документе: «отключение тяги было отмечено как самой студенткой, так и сотрудниками лаборатории» (1). Ясно, что руководитель знал об отключении вентиляции и о том, что я работаю без всяких мер защиты. Даже если допустить случайное отключение тяги, то и в этом случае руководитель был обязан немедленно прекратить работу, тем более, что ему известно о том, что студентка даже не подозревает о ядовитых свойствах вещества, на ней нет противогаза и в лаборатории нет двойной системы вентиляции. Руководитель — не только химик, но и преподаватель Московского университета. Ему прекрасно известно, каковы будущие последствия пребывания в атмосфере такого газа, так же, как степень его ответственности за безопасность студента. Впрочем, отключение тяги не было вызвано аварией, а поэтому неудивительно и поведение руководителя. Документ 1 показывает, что в этот день на электротехническом участке не зафиксирована поломка вентиляции. Более того, в этом же документе говорится: «Пшежецкий присутствовал при перегонке реакционной смеси после того, как им была включена внезапно остановившаяся работа тяги». Подчеркиваю: им была включена. Вопрос заключается в том, почему он включил ее через сорок минут. Можно предположить, что в данном случае речь идет о преступлении одного лица — моего руководителя, но тогда, согласно Уголовному кодексу, ст. 103, виновник подобного происшествия наказывается лишением свободы сроком на восемь лет в том случае, если у пострадавшего наступила утрата трудоспособности более чем на одну треть. В документе 1 сказано, что даже спустя пять лет после этого случая у меня была утрата общей трудоспособности — 60%, а профессиональной — 70%. Какова судьба Пшежецкого? В документе 4 академик Каргин ходатайствует о том, чтобы Пшежецкому

объявили выговор. Более того, как видно из документов, младший научный сотрудник Пшежецкий очень быстро становится старшим научным сотрудником как раз после этого случая. И это при том, что на химфаке очень строгие законы по отношению к педагогам.

В больнице я была уже четвертым экспонатом для этого вещества. Трое были мужчины, двое выжили, один умер. Не любопытно ли, что каждый из нас синтезировал столь ядовитое вещество без всяких мер защиты и вентиляции отключалась на разные промежутки времени? Остается добавить лишь о реакции крупных советских ученых, таких, как Каргин и Кабанов: «Какая досада, что это случилось с родственницей Платэ!» Обычно, подобные вещи происходят со студентами, у которых нет именитых родственников. Что же касается моего научного руководителя, то не следует возлагать на него большую часть вины, поскольку он не более, чем винтик в громадной машине. Можно лишь обратить внимание, на какой кафедре проводился синтез такого вещества — на кафедре высокомолекулярных соединений, то есть полимеров (кафедра названа во всех документах), а мирные безобидные полимеры не имеют никакого отношения к веществам группы иприта.

Хотелось бы напомнить об аналогичном использовании студентов в качестве подопытных кроликов профессором Гарвардского университета Тиноти Лири. В 1961 г. четыреста его студентов получили сильнейшие наркотики для того, чтобы профессор мог изучить их действие на человеческий организм. В отличие от Московского университета Гарвард полностью дисквалифицировал профессора, и он был посажен в тюрьму. Не говоря о правах и правосудии в СССР, надо отметить некоторые факты. Я была безусловно в привилегированном положении по сравнению с другими людьми, оказавшимися в такой же беде, благодаря своим родственным связям.

Двоюродная сестра мужа, А. Хомусько, была прокурором (прокуратура СССР). Мне удалось собрать такие документы, которые вряд ли смог получить кто-нибудь другой. Но даже находясь в более привилегированном положении, я смогла обратиться в суд лишь спустя четыре года. Изучив материалы дела, суд, наконец, заключает цитирую документ 7): «В 1968 году по вине администрации МГУ, у истицы наступило профессиональное заболевание. В результате заболевания произошла утрата трудоспособности. Обязанность по возмещению ущерба возложена на химический факультет МГУ». Но по советским законам, если у истца утрата трудоспособности хотя бы на одну треть, полагается уголовное расследование. Суд указывает утрату трудоспособности — 60%, но уголовного расследования не было.

Мне бы хотелось обратить внимание на тот факт, что в СССР эксперименты, которые, как правило, ведут к гибели людей, зачастую проводятся руками весьма уважаемых на Западе ученых. И если присутствующие здесь считают подобные эксперименты преступлением, то, очевидно, среди таких ученых немало преступников.

В небольшом докладе невозможно рассказать и сотой части того, о чем надо уже не просто говорить, а говорить очень громко. Но большинство свидетелей погибает, а немногие, оставшиеся в живых вынуждены, как правило, молчать. После газетных публикаций о краже моей рукописи нашелся еще свидетель, профессор-химик из России, который даст свои показания сегодня.*)

Было бы наивно полагать, что какое-либо сообщение может повлиять на Советский Союз и заставить его прекратить преступные эксперименты. Но те, кто знает о них, не имеют права молчать.

*) Эти показания были даны проф. Азбелем. — Ред.

Ю. Б. МАРГОЛИН

Парижский отчет*

Ниже мы печатаем повествование покойного Ю. Б. Марголина о суде во Франции 25 лет тому назад. Формально судили редактора французской коммунистической газеты «Леттр Франсэз» Пьера Дэкса, который назвал Давида Русса клеветником за его утверждение, что в Сов. Союзе есть концлагерь. Д. Русс подал на Дэкса в суд за оскорбление. На самом же деле суд этот вылился в суд над советским режимом. И это был настоящий суд. Никто из свидетелей, жертв советского режима, не пытался вступить за режим как таковой или отделять борьбу за права человека от политической борьбы против изуверского режима, как это пробовали делать некоторые свидетели на Сахаровском слушании, и никто не пытался ни запугивать, ни затуманивать истинного положения вещей.

1

Я был вызван как свидетель на процесс Давида Русса против коммунистического журнала «Леттр Франсэз», который происходил в Париже с 25 ноября 1950 г. по 6 января 1951 г.

Давиду Руссу было в 1950 году 38 лет. Этот покусившийся на Голиафа Давид — не еврей. В 1939 году он был активным антифашистом. Во время оккупации Франции участвовал в подпольном движении и помог организовать в Бресте две группы немецких солдат-антинаци. Гестапо напало на след этой организации, в результате чего было

Тогда еще фанатик-коммунист Пьер Дэкс переменял со временем свои взгляды и несколько отошел от коммунизма. Он даже написал предисловие к французскому изданию повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Мы, конечно, приветствуем перемену взглядов Пьера Дэкса. Каждый человек имеет право на ошибку, и если человек осознает свою ошибку и возвращается к истине, то это только хорошо. И все же мы думаем, что человек с известным прошлым не смеет позволить себе всего в настоящем.

Рассказ Марголина о суде тогда может напомнить нам, что борьба против коммунизма и борьба без всяких оговорок, не только не позади нас, но вся еще впереди.

расстреляно 30 немецких солдат, а Русс был арестован и вместе с другими французами выслан в концлагерь в Германии.

Он был арестован 16 октября 1943 года и вернулся в Париж тяжело больным в мае 1945 года. Около года работал на соляных рудниках у немцев, был в Бухенвальде. В 1946 году вышла его книга «L'Univers Concentrationnaire» («Концентрационный Универсум»), за которую он получил премию Ренодо. В 1947 году вышел его известный роман «Дни нашей смерти». Обе эти книги знамениты во Франции и дают классическое изображение лагерной системы. В 1948 году вышла книжка «Le Pitre ne rit pas» («Клоун не смеется») — это выбор официальных нацистских текстов. В 1949 году Русс вместе с Жан-Полем Сартром и Жераром Розенталем издал «Разговоры о политике», из которых ясно, что он стоит на позиции между коммунизмом

*) Юлий Марголин, Несобранное, Израиль 1975, стр. 275–302. Статья была написана в 1951 г. Ю. Марголин скончался в 1971 г. Сборник выпущен его вдовой, Е. Марголиной.

и социализмом леон-блюмовского толка. Это не человек партийный, но левой ориентации, для которого даже Леон Блюм был слишком умеренным политиком. Нет никаких оснований называть его троцкистом.

Давид Руссэ посвятил себя борьбе с системой концлагерей. По его словам, там, где существуют лагеря, каковы бы ни были экономические и политические условия в данной стране, нет будущего для человека. Летом 1949 года английское правительство опубликовало советский Кодекс исправительного труда. Эта публикация и ряд книг, которые появились о советских лагерях в последнее время, убедили Руссэ в том, что «концентрационный мир», уничтоженный в Германии, продолжает существовать в СССР. В ноябре 1949 года Руссэ опубликовал в «Фигаро Литтэрэр» свое воззвание к организациям участников подпольной борьбы с немцами, депортированных в нацистские лагеря, т. е. к своим товарищам. За месяц до этого «Фигаро» напечатало серию выдержек из моей книги о советских трудовых лагерях, которая кончалась призывом к мировому общественному мнению не оставлять без внимания то, что происходит в советских лагерях. Однако Руссэ выступил с совершенно конкретным предложением.

Идея Руссэ заключалась в том, что люди, которые пережили гитлеровские лагеря, не могут примириться с тем, чтобы нечто похожее продолжало существовать в мире. Никто не может обвинить активных антифашистов в том, что они реакционеры, а с другой стороны, те, кто был в немецких лагерях, являются специалистами и экспертами, которые имеют единственную в мире квалификацию, чтобы произвести расследование и установить правду о советских лагерях. Пусть организации бывших депортированных выберут комиссию, обратятся к советскому правительству и с его согласия обследуют лагеря в России.

Какой отклик имело выступление Руссэ?

На первую пресс-конференцию, которую Руссэ созвал в Париже, явилось 150 журналистов. Руссэ — блестящий оратор, прекрасный журналист и показал себя также незаурядным пропагандистом. В течение полугода не менее 2000 статей о предложении Руссэ появилось во французской прессе Франции, Бельгии и Швейцарии. Руссэ удалось привлечь на свою сторону или, по крайней мере, смутить, пробудить совесть ряда просоветских деятелей. Ему сделали упрек: почему он говорит только о СССР? А у Франко, Тито, или в Греции разве все в порядке? Руссэ парировал этот упрек, распространив деятельность своей Комиссии на все страны, по отношению к которым имеются жалобы или подозрения о наличии там лагерей.

Предложение Руссэ привело к расколу во французских и немецких организациях депортированных антинаци. Коммунисты, очевидно, резко воспротивились проекту Международной комиссии обследования лагерей. Коммунистический тезис заключается в том, что можно и следует добиваться права контроля того, что происходит в несоединенных странах, но по отношению к СССР сама идея контроля или проверки является оскорблением величества: тут надо полагаться целиком на официальные объяснения советского правительства. Люди, которые провели годы в советском заключении и рассказывают ужасы, — враги советского правительства и как таковые не заслуживают доверия.

В Бельгии коммунисты не вышли из Организации бывших политических заключенных, но остались в меньшинстве и потеряли командные посты.

В июле 1950 года, кроме Франции, пять стран ответили на призыв Д. Руссэ: Германия, Бельгия, Республиканская Испания, Голландия и Норвегия. В каждой из этих стран решающее большинство бывших политических заключенных в нацистских лагерях поддержало Руссэ. Их организации выбрали национальные комиссии, куда вошли представители всех партий и течений, кроме коммунистов, которым было предложено участвовать, но которые отказались.

В июле 1950 года в Гааге состоялась первая интернациональная конференция комиссий из шести стран, где

было решено выбрать интернациональную комиссию борьбы с концлагерями. Среди приветствий, которые были получены в Гааге, находилось, как единственный отклик из Израиля, приветствие от редакции журнала «Запад», посланное по моей инициативе. К сожалению, я никого больше не мог заинтересовать в Израиле попыткой Руссэ. В 1950 году там было больше открытых защитников советских лагерей, чем людей, имевших смелость открыто выступить против них.

В октябре 1950 года новая конференция в Брюсселе выработала текст Манифеста Интернациональной Комиссии и ее статут.

В ноябре Интернациональная Комиссия для борьбы с концлагерями обратилась к ООН с двойной просьбой: поставить вопрос о принудительном труде в лагерях на ближайшей сессии Объединенных Наций и признать Интернациональную Комиссию как одну из неправительственных организаций, допущенных к выступлениям в Экономическом и Социальном Совете при ООН. Одновременно было решено обратиться к правительствам испанскому, греческому, советскому и югославскому с письмом, текст которого еще не может быть оглашен по соображениям вежливости. Мне, однако, известно, что два правительства уже ответили на это письмо положительно.

В ноябре было принято решение, что, если советское правительство ответит отказом или не ответит вообще на просьбу Интернациональной Комиссии расследования, последняя соберется в Брюсселе в начале 1951 года и произведет расследование советских лагерей на основании всего материала, которым она будет располагать до того времени. Очевидно есть полная возможность произвести такое расследование и дать объективную оценку лагерей на основании документов и показаний бывших заключенных. В одном Израиле число людей, прошедших через советские лагеря, измеряется сотнями, а во всем мире — десятками тысяч.

Интернациональная Комиссия, созданная Руссэ, представляет собой юридическую инновацию. Если удастся добиться ее аккредитации при ООН, будет создано учреждение особого типа, демократически выбранное и обладающее моральным авторитетом, для контроля преступлений против человечества.* Нет сомнения, что такая институция необходима в наши времена. Есть много уважаемых и заслуженных перед человечеством лиц, которые, казалось бы, призваны в первую очередь протестовать против кошмарных преступлений, где бы они ни происходили. Но почему-то они не проявляют интереса и инициативы, когда речь идет о концентрационных лагерях. В Израиле, по крайней мере, мне такие люди неизвестны. Давид Руссэ выполнил заповедь: «В месте, где нет человека — будь ты человеком».

Но в наше время опасно быть человеком. Руссэ затронул Советский Союз. Он подвергся жестокой атаке. Во что бы то ни стало необходимо было разрушить его моральный авторитет. Кто смеет требовать международного контроля советских секретов? Несколько дней после появления в «Фигаро» воззвания Руссэ коммунистический журнал «Леттр Франсэз» выступил с громовой атакой против Руссэ. Это тот самый журнал, который был уже раз приговорен за диффамацию в знаменитом процессе Кравченко. Пьер Дэкс, шеф-редактор журнала, сам бывший заключенный в Маутхаузене, обвинил Руссэ в том, что он подделал тексты советского права, и в том, что он воспользовался фальшивками каких-то «неизвестных лиц», которые просто выдумали или переписали из книг о гитлеровских лагерях клевету на Советский Союз. Он не только назвал Руссэ «бесчестным лжецом», но и выступил с горячей защитой советских лагерей, куда якобы никого без суда не сажают, где людей перевоспитывают и учат быть свободными. Дэкс написал буквально: «Я благодарен СССР за это великолепное предприятие... В советских лагерях перевоспитания достигнута полная ликвидация эксплуатации человека человеком». Получилось,

*) Не удалось. — Ред.

в общем, что гнилой Запад должен завидовать советскому народу, который заменил тюрьмы такими идеальными местами, и только была непонятна и умилительна скромность советской власти, которая вместо того, чтобы гордиться таким достижением и показывать его всем, спрятала его как государственный секрет.

Но Пьер Дэкс не удовлетворился этим. Он пошел дальше и в последних строках своей статьи (которая, кстати, в Тель-Авиве продавалась в форме отдельного оттиска под названием «Почему Давид Руссэ выдумал концлагеря в СССР?») привел как доказательство своей правоты то, что Руссэ, этот бесчестный лжец, не отвечает на обвинения! Дэкс просто пригласил Руссэ подать на него в суд... И Руссэ это сделал. В январе 1950 года он обвинил его в диффамации, и дело было назначено к слушанию в ноябре того же года. Я получил приглашение выступить на суде свидетелем и ответил согласием. Я, проводивший годы в советских лагерях, должен был свидетельствовать, что Руссэ не выдумал их, что он не солгал, утверждая, что туда посылают людей без вины и без суда и что я не переписал свою книгу из литературы о нацистских лагерях.

2

Руссэ и его адвокаты имели 11 месяцев, чтобы подготовить процесс... Явившись в Париж 23 ноября, я думал, что найду там нечто вроде генерального штаба перед сражением: людей, которые введут меня во все подробности, заинтересуются тем, что я хочу сказать... Ничего подобного! Не знаю, все ли большие политические процессы так импровизируются, как этот, но в данном случае было поразительное отсутствие организации, настоящая французская беспечность, по крайней мере, по отношению к свидетелям. Как свидетель, я не имел права видеться с адвокатами Руссэ. Жерара Розенталя я увидел в первый раз в зале суда, а с Тео Бернаром так и не познакомился. Никакого «делового» контакта не было у меня ни с ними, ни с самим Руссэ. Через два дня по приезде я обедал с Руссэ в ресторане, познакомился, и мы говорили о самых разных вещах, но остается фактом, что, когда я спустя десять дней выступил в суде, Руссэ и его адвокаты не имели понятия, о чем и как я буду говорить.

Другой пример: о том, что в руках одного из свидетелей Руссэ, Александра Вайсберга, физика и ученого, находится сенсационный документ, а именно письмо к Сталину, подписанное знаменитым коммунистическим ученым Жюлио-Кюри, где он ручался, что арестованный в России Вайсберг — преданный и верный коммунист, и его арест, наверное, недоразумение, — о том, что Вайсберг имеет такое письмо, адвокаты Руссэ узнали за два часа перед его выступлением.

Руссэ оказался жовиальным и сангвиническим толстячком с необыкновенно выразительным лицом, звучным басом. Человек этот был полон энергии, как аккумулятор. Пребывание в немецких лагерях оказалось для него центральным переживанием жизни, и борьба, которую он начал, не только соответствовала его темпераменту, но и удовлетворяла его потребности в интернациональной борьбе за право и справедливость. Руссэ хотел избежать подозрения, что он, как Кравченко, опирается на показания «реакционеров». Поэтому он очень заботливо выбрал своих свидетелей. Не только оба его адвоката были евреями, но и многие свидетели, так как евреев трудно обвинять в фашизме. Экипа свидетелей Руссэ состояла почти вся из активных социалистов или бывших коммунистов. Кравченко на свой процесс не пустил монархистов. Руссэ пошел еще дальше. Коммунистам фактически нечего было сказать плохого о его свидетелях. Я, по-видимому, был самым «правым» на этом процессе. При встрече я спросил его, знает ли он, что я не социалист. Руссэ ответил, что он это знает, но что я представляю собой «особый случай». При этой okazji отмечу, что парижская пресса, которая никак не могла понять, что я — «исключение», упорно называла меня социалистом и даже «польским социалистом».

Верно то, что я очень хорошо чувствовал себя в среде свидетелей Руссэ и со многими из них подружился. Это

были люди, близкие мне по общечеловеческой установке. Правильно то, что в наше время демократический социализм, выдвигающий на первое место идеал свободы, и либерализм нового типа (который не надо смешивать с либерализмом XIX столетия) все более конвергируют и сближаются.*) Я принял участие в процессе против лагерного бесчеловечия, потому что в моих глазах это был процесс боевого либерализма в борьбе против сталинского режима. Другие же боролись против того, что они считают искажением социализма.

Среди свидетелей Руссэ были:

Кампесино — знаменитый испанский храбрец и герой войны с Франко, легендарный вождь республиканских «динамитерос», испанский «Чапаев». Когда этот человек прибыл в Россию после поражения республиканцев, там продавали спички с его портретом. Этот испанский мужик, человек без образования, но с фанатической верой в революцию, пережил в СССР великое разочарование. В конце концов он потребовал, чтобы его выпустили в Европу. Вместо этого его отправили в тюрьму, в лагерь. Кампесино дважды бежал из СССР. Один раз ему удалось бежать из Баку в Тегеран, но НКВД привезло его оттуда обратно. Во второй раз он спасся от Сталина с невероятными приключениями. Кампесино был самой большой сенсацией процесса. Социалистический «Попюлер» печатал серию его статей о Советском Союзе, которая подняла тираж газеты, но адрес его был скрыт от прессы, и он появился публично только на процессе.

Ежи Гликсман — брат Виктора Алтера, лидера «Бунда», расстрелянного большевиками вместе с Эрлихом в 1941 году, приехал из Чикаго. Гликсман — социалист и автор первой книги о советских лагерях, которая появилась после войны в Америке: «Tell the West» («Расскажи Западу»). Он адвокат по образованию, учился в Сорбонне и хорошо говорит по-французски.

Из Лондона приехал **Вайсберг**, бывший коммунист, австрийский еврей по происхождению, бывший профессор Харьковского университета, ученый, которого НКВД обвинило в фантастических преступлениях.

Из Германии прибыли **Маргарет Бубер-Нейман**, автор книги «В плену у Сталина и у Гитлера», и г-жа **Леонард**, старая спартаковка, женщина, которая 12 лет провела в советских лагерях и тюрьмах. Несмотря на это, г-жа Леонард не потеряла веры в интернациональную революцию и социализм. По ее мнению, Сталин изменил коммунизму, но она осталась ему верна. Я не спорил с этой женщиной, здоровье которой разрушила советская каторга, не коснувшись ее убеждений. Она согласилась участвовать в процессе Руссэ после того, как Руссэ обещал ей, что материал, который она даст, не пойдет на пользу «американскому империализму».

Двое поляков выступило на процессе: профессор **Заморский**, автор книги «Советская юстиция», и художник **Чапский**, социалист и автор воспоминаний «На нечеловеческой Земле». Книга эта переведена на французский язык. Профессор Заморский собрал 20 000 анкет поляков из армии Андерса, которые прошли через советские концлагеря, и на основании их показаний составил карту расположения лагерей в СССР. Эта карта была опубликована в 1945 году в Риме после его занятия союзниками. Через американскую прессу эта карта дошла до Руссэ. Показание Заморского было важно, потому что коммунисты обвинили Руссэ в том, что его карта была составлена в Риме в 1941 году — при фашистах. Чтобы показать, от кого получил Заморский свои анкеты, был приглашен один из 20 000: д-р **Бандровский**, 65 лет, проживающий теперь в Корнуэльсе. Седой и достойный доктор Бандровский произвел очень хорошее впечатление на суде. Оказалось, что я несколько месяцев находился с Бандровским в одном лагере. Когда он подошел ко мне в кулуарах суда, я не сразу узнал его: тогда Бандровский показал мне рисунок,

*) Через 25 лет «демократический социализм» снова начал обближаться с недемократическим. — Ред.

сделанный в лагере 10 лет тому назад, где он был нарисован с широкой седой бородой — и по этой бороде я узнал его сразу. Мы обнялись и расцеловались. Фотографы поспешили увековечить эту сцену встречи двух лагерников. Таким образом, Руссэ мог сослаться на Заморского, Заморский — на Бандровского. Факт, что Бандровский сидел в лагере, был подтвержден мною, но кто мог французам поручиться за мой авторитет? Моя книга, впечатления от которой во Франции было достаточно сильно, — моим главным союзником и поручителем было мое перо.

При этой okazji я хочу сказать несколько слов о моем участии в процессе. Кроме моего выступления в качестве свидетеля, я за 7 недель пребывания в Париже говорил по радио, напечатал 4 статьи в парижских газетах, в том числе «Открытое письмо Пьеру Дэксу», прочел реферат в Союзе русских евреев и встретился с группой французских писателей и журналистов, которым помог рассеять сомнения насчет существования концентрационного мира в СССР. Процесс Руссэ происходил не только перед судьями в «Пале де Жюстис», старинном дворце на острове в центре Парижа, но и перед судом общественного мнения во всем мире. Процесс в «Пале де Жюстис» кончен. Но перед судом Истории он только начинается и не будет кончен, пока лагеря в той или иной форме существуют в мире.

Еще несколько свидетелей говорили на суде, и среди них простой русский колхозник по имени **Шариков**. Адвокаты защиты задали ему два вопроса, на которые он ответил с большим юмором. Его спросили: «Почему он не возвращается после войны домой, в Советский Союз?». Он ответил: «Видели ли вы когда-нибудь корову, чтоб она добровольно шла на бойню?» — «А за чей счет ты приехал сюда на суд?». Он ответил: «Думаю, что за счет коммунистов: они покроют все судебные издержки!» Этот ответ вызвал взрыв смеха в зале. Шариков был прав: все свидетели приехали за счет коммунистов. Но в ожидании, когда они покроют судебные издержки, процесс со стороны Руссэ финансировала «La Force Ouvrière», т. е. социалистические профессиональные союзы Франции.

Самое сильное впечатление произвела на меня из свидетелей Руссэ маленькая **Эллино́р Липпер** — швейцарская еврейка, книга которой «11 лет на советской каторге» появилась по-немецки и по-французски. История Эллино́р такова: ей было 27 лет, когда она поехала в Россию как восторженная коммунистка, на родину всех трудящихся. Это было в 1937 году. Через 2 месяца ее арестовали в Москве, и только в 1948 Эллино́р вернулась в Швейцарию. 11 лет она провела в лагерях, по сравнению с которыми те, где я был, можно считать «санаторием». То, что вынесла эта деликатная и хрупкая женщина, не поддается описанию. Глаза ее видели ад на земле. Многие не могли понять, как она уцелела и спаслась. Бесчисленные де-вушки, как она, погибли на Колыме — из ее партии в 600 человек выжило только 60. Мы сидели за одним столом среди друзей в Париже. Глядя на Эллино́р, которая в 38 лет выглядит как тоненькая девочка, я сказал: «Не верьте, что она слабенькая — в этой девушке есть сильная причина!» Эллино́р подошла ко мне и прежде, чем я успел опомниться, наклонилась, одной рукой взяла меня под колени, подняла на воздух мои 75 кило веса, как свечу, и так прошлась по комнате... это был ответ на вопрос, почему она уцелела. В этой женщине поразило меня соединение девической прелести и внутренней крепости, сухости, закаленности. Она была похожа на деревцо осенью, с которого слетели листья, но которое сохранило гибкость ветвей и упрямую силу жизни. В тот вечер Эллино́р рассказала нам, как она рожала в лагере... Она не только сама вернулась в Европу, но и привезла с собой годовалую девочку, которая никогда в жизни не увидит своего отца, заключенного врача, с 15-летним сроком на Колыме. Она рассказала нам, как ее на последнем месяце беременности вместе с товаркой заперли в трюм арестантской баржи, где перевозили сотни одичалых лагерников, годами не видевших женщин... Ее спасла беременность, а судьбу ее товарки можно себе представить...

Такие люди собрались на процессе Давида Руссэ. Я назвал тех, которые выступили, но было много свидетелей, которые приехали в Париж и не появились на суде... для них уже не хватило времени, и адвокаты Руссэ не использовали их. Назову из них только двух: **Давида Даллина**, известного социалиста, историка Советской России, и **Германию Наглер**, польскую писательницу. В общем, свидетели Руссэ были группой интеллектуалов и авторов, из книг которых можно было бы составить целую библиотеку; людей с общественным стажем из разных стран, профессиональных революционеров и антифашистов. На суде раздавалась испанская, немецкая, польская, русская речь рядом с французской. Это был интернациональный процесс в полном смысле слова.

3

С другой стороны на скамье подсудимых находились два редактора «Леттр Франсэз» под защитой двух знаменитых адвокатов-коммунистов, Вьеннэ и Нордмана (последний — еврей). Однако не так просто было посадить на скамью подсудимых г.г. Дэкса и Морган. На первое заседание они не пришли. Тактика коммунистов заключалась в том, чтобы сорвать процесс, помешать его нормальному ходу, не допустить свидетелей Руссэ до голоса. Обвиняемые начали с того, что заявили отвод трибуналу. За 10 минут до начала заседания Дэкс и Морган выразили в письменной форме недоверие судьям и потребовали их замены. Для суда это было неожиданностью. Началась полемика между юристами. Первое заседание было сорвано. Всего было в распоряжении суда 10 заседаний, по 2 в неделю. В течение первых четырех заседаний зал суда был похож на сумасшедший дом. За каждым формальным предложением коммунистов, которые суд отбрасывал, они ставили новое, и в зале суда создавалась какая-то ненормальная, цирковая атмосфера. За выражением недоверия трибуналу в целом последовало выражение недоверия его председателю, г-ну Коломье. Затем — предложение о переносе дела в другую инстанцию. Затем предложение об отсрочке. Затем предложение о недопущении свидетелей. Затем предложение о запрещении свидетелям говорить о... концлагерях в Советском Союзе. Каждый раз начиналась нескончаемая полемика между адвокатами. В течение двух недель суд не мог приступить к слушанию дела. В конце концов коммунисты достигли того, что парижская публика начала интересоваться: «Что это за свидетели, которых так боятся коммунисты?» Интерес к процессу возрос в публике, но зато коммунисты добились двух вещей: во-первых, четыре заседания из десяти были потеряны; во-вторых, они добились ограничения свободы слова для свидетелей.

В этих условиях вышел к барьеру первый свидетель Руссэ — Реми Рур, редактор газеты «Ле Монд». Реми Рур не был в России, и его задачей было воздать хвалу Руссэ как борцу за свободу. Он говорил умеренно и сказал также несколько комплиментов в адрес обвиняемого, Пьера Дэкса. После его речи, которая продолжалась четверть часа, вызвали Эллино́р Липпер. При ее появлении в черном платье, с бледным и решительным лицом, трепет прошел по залу. Он был переполнен журналистами, фотографами, адвокатами, которые из любопытства пришли в зал из других этажей. За барьером для публики стояла густая толпа. В эту минуту фактически начался процесс. Но он начался неудачно.

Эллино́р была страшно перепугана. У нее было то, что называется Lampenfieber. Против нее стояли два матерых волка, адвокаты Вьеннэ и Нордман, известный своей брутальностью и гибкостью по отношению к свидетелям. Маленькая Эллино́р выглядела как гимназистка на экзамене. На беду она выучила свое показание о лагерях наизусть. Но ей не дали сказать его. Не успела она сказать первые слова, как ее прервали. Вьеннэ и Нордман начали бурно протестовать и просто заглушили ее: «Нельзя говорить о лагерях». Эллино́р потерялась. Президент Коломье, связанный процедурой, подтвердил ей, что здесь разбирают дело Руссэ против Дэкса, а не дело о советских лаге-

рях. Нордман торжествовал победу. «Мадам, — сказал он с сардонической улыбкой, — у вас были неприятные переживания, я очень сочувствую, но это ваше частное дело, которое не касается трибунала...» И президент Коломье, чтобы помочь Эллинор, подсказал ей: «Расскажите, что вы знаете о моральной стороне процесса». Через несколько минут Эллинор пришла в себя и начала энергично отвечать противникам, но уже было поздно. Ее отпустили через 10 минут, и она вышла из зала совершенно убитая, не успев ничего сказать. Она была жестоко разочарована. В эту минуту вызвали меня, и я вошел в зал, не имея понятия, о чем буду говорить. Было поздно, люстры зажглись в зале, и на мое счастье Вьеннэ встал, чтобы произнести еще одну речь формального характера. Мне велели выйти, и через полчаса, когда кончил Вьеннэ, заседание было закрыто.

Таким образом, я имел время, чтобы подготовиться к выступлению. На следующее утро «Фигаро» писало, что адвокаты защиты могли терроризировать слабую женщину, «Une femme intimidée», но с Марголиным они так легко не справятся. Моя задача заключалась в том, чтобы прорваться через obstruction противников, заставить трибунал себя слушать и показать остальным свидетелям, что можно, считаясь с требованиями суда, все-таки сказать, что нужно. Прежде всего я выбросил свое «показание», которое я привез из Тель-Авива. Это была заботливо подготовленная, сжатая характеристика лагерей. Я понял, что если буду ее придерживаться, то трибунал не даст мне говорить. Надо было немедленно перестроиться. Вместо реферата о лагерях — декларация общего характера. Атаковать в упор. Говорить о лагерях, связывая каждую фразу с диффамацией Дэкса так, чтобы эта связь была ясна каждому и президент суда не имел повода остановить меня из-за того, что я говорю «не на тему».

В час дня 5-е заседание суда (9. 12. 50) началось сильной речью Руссэ, который требовал, чтобы дали говорить его свидетелям. После него была моя очередь. Справа от меня сидели Руссэ и его адвокаты. Слева, почти рядом — Дэкс, Вьеннэ и Нордман. Дэкс, небольшого роста, с прической ежиком, выглядел как молодой студентик, но его адвокаты в черных тогах и белых жабо имели вид весьма торжественный. Я, несмотря на мои пять лет каторги, был первый раз в жизни на суде. В ту минуту я чувствовал себя не свидетелем, а обвинителем. Я говорил по-русски, с переводчиком, и это давало мне одно преимущество: противники не могли прервать меня в середине фразы, они должны были ждать перевода. Я зато понимал их сразу и мог немедленно реагировать.

4

Розенталь коротко представляет меня суду и кладет на стол трибунала экземпляр моей книги «La Condition Inhumaine». Другой экземпляр он любезно передает коммунистам. И по тому, как Нордман открывает его, я вижу, что они моей книги не читали, не имеют понятия о том, что является их обязанностью знать, когда идет спор о том, что такое лагерь.

Президент Коломье предлагает мне самому рассказать о себе суду. Но у меня было слишком мало времени для этого.

— Господин Президент! Я хочу говорить о себе как можно меньше. Ни то, что я писал на разные темы, ни мои личные переживания не могут интересовать трибунал. Пять лет, которые я провел в советских лагерях, дают мне возможность рассказать о них суду. В какой мере вы используете эту возможность — зависит от вас. Я стою перед лицом французского правосудия, готовый исполнить свой долг.

Я исполняю свой долг перед миллионами советских заключенных, которые лишены права голоса и не могут сами свидетельствовать о себе, которые даже не подозревают о героической попытке Руссэ прийти им на помощь.

В эту минуту адвокаты Дэкса прервали меня. Но президент, который накануне не дал говорить Липпер, на

этот раз повел себя иначе. Он очень энергично взял меня под свою защиту. «То, что говорит свидетель, относится к существу дела и важно с психологической точки зрения. Он будет продолжать. Не мешайте суду своими прерываниями. Ваша позиция двучлива. Вы позволяете себе то, в чем вы отказываете противной стороне».

— Я исполняю свой долг по отношению к своему товарищу Давиду Руссэ, который первый имел мужество поднять свой голос в защиту миллионов несчастных и за это подвергся незаслуженным нападениям и оскорблениям.

Г-н Руссэ обвинен в том, что он сфальшивил две вещи: параграфы советского права и факты лагерной действительности. Что касается первого обвинения, то это дело юристов. Я не буду вмешиваться в спор юристов.

Годы, проведенные в Советском Союзе, научили меня, что тексты советских законов не имеют ничего общего с советской действительностью, или точнее: советское право относится к действительности, как белая перчатка палача к его окровавленной руке. Советское право — ширма для преступлений. Мы, заключенные в лагерях, не интересовались тем, какую перчатку носит рука, которая нас душила. Но руку на горле, руку палача, мы чувствовали хорошо.

Не прошло и трех минут, как я почувствовал не только интерес трибунала, но и симпатию зала. Аудитория была на моей стороне. Я говорил с абсолютной уверенностью, не обращая внимания на попытки коммунистов прервать меня.

— Г-н Руссэ обвинен в том, что он построил свой апель 12 ноября 1949 года на выдумках лиц, не заслуживающих доверия, на «вульгарных транспозициях» из литературы о гитлеровских лагерях. Это обвинение касается меня в первую очередь. В числе документов, на которые опирался Руссэ, когда писал свой апель, была и моя книга.

Если то, что я писал в ней — неправда, то я виноват в том, что ввел Руссэ в заблуждение. Но если то, что я писал, является правдой, то у вас нет другого выбора, как признать этого человека (и тут я показал на Пьера Дэкса) — диффаматором и клеветником.

Я еврей. На улицах Тель-Авива статья г-на Дэкса против Руссэ продавалась в виде отдельной брошюры под названием «Почему Д. Руссэ выдумал концлагерь в СССР». Это — чудовищно! Ни г-н Руссэ, ни я не выдумали лагерей. Мои волосы поседели в лагерях. Может ли кто-нибудь утверждать, что г-н Руссэ выдумал также и мои седые волосы?

Я могу повторить о себе слова великого польского поэта: «Мое имя миллион». Я разделю судьбу и страдания миллионов. Для десятков тысяч, которые спаслись из лагерей Сталина и находятся в Европе, нет вопроса о честности и правдивости Руссэ. Вопрос только в том, чем объясняется диффамация г-на Дэкса: есть ли это злая воля или безграничное легкомыслие и невежество молодого журналиста.

Я сказал эти слова, глядя в упор на Дэкса. Зал охнул, а Дэкс разинул рот и издал странный звук, похожий на звук барабана, по которому треснули палкой. Этот звук показал мне, что он не совсем бесчувствен.

— После пяти лет я имею право на полчаса времени, чтобы рассказать трибуналу о том, что имеет прямое отношение к данному процессу. В этом процессе личное и общее неразделимы. Рассказывая о себе, мы рассказываем о лагерях, мы демаскируем диффамацию г-на Дэкса. Я не знаю, как это можно сделать иначе.

В зале было полное молчание, никто не прервал меня. Дорога передо мной открыта, и я мог говорить о чем угодно. Я выбрал две темы — о бессудности, т. е. о том, что в лагеря отправляют людей без судебного приговора, и о «воспитании» в лагерях. Я говорил 45 минут.

Начался перекрестный допрос, но г.г. Нордман и Вьеннэ не имели охоты ставить мне вопросы.

— «Известно ли свидетелю, — начал Нордман с иронической миной, — что на свете происходила война... большая война... с Гитлером?..»

Я прервал его: «Этот тон иронии совершенно неуместен!» Президент сделал ему замечание: «не ставьте подобных вопросов!»

Нордман: «Гитлер убил 6 миллионов евреев, и я считаю неуместным, чтобы еврей выступал против государства, которое спасло евреев».

На это я ответил: «Цифра еврейских потерь в войне, согласно таблице известного еврейского статистика Я. Лецинского, составляет 6 093 000 человек, но будет ошибкой считать, что евреи погибали только на стороне Гитлера. Около полумиллиона евреев погибло в советских лагерях и местах ссылки. Гитлер пролил достаточно еврейской крови, и нет надобности подбрасывать ему жертвы Сталина». Раздались возгласы, и я прибавил: «В лагерях находятся сотни моих друзей, и я не только имею право, но и обязан протестовать против того, что с ними делают. Советские заключенные имеют право жаловаться в Москву, а г-н Нордман хочет отнять право протеста у жертв НКВД? Вы, г-н Нордман, более сталинист, чем сам Сталин!»

Дэкс задал мне вопрос, хочу ли я новой мировой войны? Я ответил: «Я надеюсь, что никто из нас не хочет войны. За себя я уверен, но в вас, г-н Дэкс, не совсем уверен. Мы хотим не войны, а мобилизации мирового общественного мнения против ужаса лагерей в России». Розенталь, адвокат Руссэ, поднялся и спросил меня, известно ли мне, что в феврале прошлого года, когда в Лейк-Саксес на заседании Экономического Совета ООН было оглашено мое показание о лагерях, польский делегат Кац-Сухи ответил, что на свидетельство уголовного преступника, осужденного в Советском Союзе, нельзя обращать внимание. Я ответил с чистой совестью, что слышу об этом в первый раз и что Кац-Сухи сказал неправду. Я не был осужден по суду, никто не обвинял меня в совершении какого бы то ни было преступления, и в лагерь я попал как «социально-опасный элемент» со всеми другими польскими беженцами, не хотевшими добровольно принять советское гражданство. «У советских властей было 5 лет, чтобы предъявить мне обвинение, и если они этого не сделали, то мне кажется, что теперь уже несколько поздно». Зал рассмеялся, и на этом кончилось мое показание.

Вечером того же дня радио передало содержание моей речи. Она имела большой отклик в прессе. Коммунистическая газета писала, что я говорил «для журналистов», но факт, что ни тогда, ни позже, стоя лицом к лицу со мной, они ничего не могли мне возразить по существу.

5

Тем временем процесс продолжался. Правда ли, что советский Кодекс разрешает заключать людей в лагерь без суда, по распоряжению административных органов? Это смешной вопрос для каждого, кто знает советскую действительность. Но Пьер Дэкс назвал Руссэ лжецом и обвинил его в том, что он подделал текст советского закона. И действительно, оказалось, что в фотокопии Руссэ пропущены некоторые места, которые не относятся к делу. Адвокаты Руссэ принесли в суд оригинальные тексты советских законов, с переводом на французский язык, где не один, а несколько раз подтверждается общеизвестный факт, что в лагеря можно посылать без суда. Они принесли также ученые труды французских юристов, где говорится о том же. Пьер Дэкс ответил, что когда он писал свою статью против Руссэ, он не знал об этом. Руссэ спросил его: «Теперь, когда вы уже знаете эти тексты, согласны ли вы признать свою ошибку?» Наступило молчание, и переполненный зал ждал, что ответит коммунистический журналист, припертый к стене. Дэкс ответил: «Теперь меньше, чем когда бы то ни было!» Он вынул из кармана текст сталинской конституции 1936 года и прочел вслух параграф, который гарантирует советскому гражданину неприкосновенность личности.

Ответ Дэкса показал, что между защитниками концлагерей и нами нет общего языка, как если бы они были существами какой-то другой породы, а не людьми, как мы.

К барьеру вышел Александр Вайсберг, ученый и бывший коммунист, который тоже верил в слова конституции, пока не познакомился с застенками НКВД. «Как смеет бош говорить по-немецки в Париже?» — кричит коммунист Морган. Вайсберг — еврей, жену и детей которого убили немцы, он сам участвовал в Варшавском восстании. «Ренегат!» — кричит Морган. Его выгоняют из зала за неприличное поведение в суде. Вайсберг показывает письмо, где Жолио-Кюри и Пэррэн, величайшие физики мира, просили его освобождения и ручались за него. На следующий день член компартии Жолио-Кюри помещает письмо в «Юманите», где он просит не придавать значения его рекомендации Вайсбергу.

Сильное впечатление произвело выступление Гликсмана, брата Виктора Алтера. Этот вождь Бунда и один из выдающихся деятелей II Интернационала был без суда расстрелян в Советском Союзе вместе с Эрлихом, социалистом и зятем Дубнова. Гитлеровцы в Риге убили Дубнова, но не опозорили его памяти. Большевики в течение года не сообщали о казни В. Алтера и Эрлиха, а потом обвинили их в работе для Гитлера. Нордман не больше знал о В. Алтере, чем о советских лагерях, это имя было для него чуждо. Но кто-то из еврейских коммунистов, которые были в зале, подсказали ему, что В. Алтер был «шпион и изменник». И Нордман спросил брата Алтера: «Неужели ему неизвестно, как поступают во время войны со шпионом?» Гликсман потерял самообладание и начал кричать: «Я запрещаю вам оскорблять память моего брата!»

Драматические сцены повторились во время показания Чапского. Этот пепезовец, писатель и художник, известный в Париже, находился во время войны в Советском Союзе и вел переговоры с властями о выдаче поляков, заключенных в лагерях. Начальник Главного управления лагерей показывал ему на карте места, где заключены поляки, никто не отрицал существования лагерей и не пробовал их представить как «воспитательные учреждения». Чапский рассказал суду о Катине, о месте, где было перебито 15 000 военнопленных польских офицеров. Наци, заняв Катинь, откопали их трупы и показали их журналистам из нейтральных стран. Большевики, вернувшись в Катинь два года спустя, послали туда комиссию, которая объявила, что немцы сами убили поляков. Однако они отказались допустить в комиссию иностранцев и в особенности представителей поляков. Кто убил в Катине? Чапский сказал, что поляки в России знали о резне, произведенной НКВД, еще до того, как немцы откопали трупы. Чапский говорил по-французски с огромной силой, со страстью и гневом. Его речь произвела большое впечатление на публику. Нордман спросил его: «Ненавидит ли он СССР?» — и Чапский вспыхнул как спичка: «Да, я ненавижу Сталина, ненавижу режим, существующий в России, ненавижу всех, кто его поддерживает!» Нордман улыбнулся и сделал знак рукой, как бы говоря: «Что можно ждать от такого человека?»

Я не могу останавливаться на всех показаниях этого замечательного процесса, который постепенно превратился в демонстрацию возмущения и протеста против сталинизма. Пресса и публика ждали с нетерпением появления Кампесино, легендарного испанского героя. Мадридское радио Франко обещало ему прощение, если он вернется на родину. Но Кампесино не обратил внимания на предложение Франко. Группа испанцев в Москве прислала письмо в трибунал, где она называла Кампесино сумасшедшим. Но Кампесино ответил в парижской прессе на это письмо так, что было ясно, что он с ума не сошел. Однако адвокаты Руссэ немножко боялись его выступления. Кампесино, дикий и неистовый человек, испанский «мужик», мог потерять меру и ляпнуть на суде что-нибудь чудовищное или несообразное. Однако Кампесино оказался самой большой сенсацией процесса. Как отказаться от него? Розенталь, представляя его суду, на всякий случай предупредил, что перед ними будет говорить не интеллигент типа Марголина, не аналитик или ученый, а человек из народа — солдат.

Коренастый, небольшой, со смуглым лицом и горящими глазами, Кампесино, как буря, обрушился на трибунал. Уже первые его слова произвели впечатление: «Меня называли самым фанатическим генералом в испанской войне. Я не жалею крови, которую я пролил в борьбе с фашизмом. Но я жалею и раскаиваюсь в том, что хотел навязать испанскому народу режим, похожий на тот, который существует в России. В Советском Союзе я пережил самую большую катастрофу моей жизни». Кампесино не говорил, он рычал как тигр. С таким голосом и темпераментом он мог увлечь солдат своей бригады куда угодно. Но в зале сидели юристы, журналисты, цивилизованные парижане. Президент Коломье поморщился и сказал переводчику: «Скажите свидетелю, чтобы он говорил тише». Кампесино, услышав, что ему предлагают говорить тише, отскочил от барьера с изумлением, ударил себя в грудь и заревел еще громче: «Я — испанец! Испанцы не могут говорить тихо!» Зал грохнул смехом. Но не прошло и пяти минут, как его огненное красноречие начало заражать слушателей. Хриплый голос Кампесино заполнил весь зал. Это был рассказ о трагедии испанских республиканцев в России. Из 6000 антифашистов, которые бежали к Сталину, осталось в живых 1200. Остальные погибли в лагерях и тюрьмах.

6

На следующем заседании выступили свидетели со стороны «Леттр Франсэз». Коммунисты изменили свою тактику. Они сперва отказались от вызова свидетелей, но потом решили, что нельзя оставлять все поле сражения за свидетелями Руссэ. Время процесса было ограничено 10 заседаниями, и потому важно было хотя бы одно заседание вырвать у людей, которые пришли из лагерей.

Свидетели со стороны коммунистов не пришли из лагерей. Это были французы, члены коммунистической партии: лидер французской компартии Фернан Гренье; Лаффит, член редакции «Юманите»; вдова известного коммуниста Вайан-Кутурье; популярный в Париже рисовальщик Жан Эффель; адвокат мэтр Брандон... О чем говорили 12 свидетелей против Руссэ? Одни произносили политические речи. Другие рассказывали, какой прекрасный человек Пьер Дэкс. Третьи объясняли: «Лагерь нас не касается, нельзя вмешиваться в дела суверенного государства». Четвертые рассказывали о преследованиях негров или туземцев на Мадагаскаре. Жан Эффель, симпатичный парень, рассказал, что он был в Москве и видел там довольные лица, веселых, танцующих людей, трудно поверить, чтобы в этой стране были такие страшные лагеря. Жан Лаффит, редактор «Юманите», сказал, что он не верит свидетелям Руссэ. Его спросили: «Но если бы это было правдой, если бы в самом деле существовали концлагеря в России, какое было бы ваше отношение к ним и к режиму лагерей?». Он ответил: «Мать остается матерью, даже если ее обвиняют в убийстве». В общем все «аргументы» этих людей можно было бы повторить с равным правом и по отношению к Треблинке Гитлера. Довольно было 2-3 вопросов Розенталя или Руссэ, чтобы эти люди, которые говорили с пафосом и имели такой достойный вид, начинали путаться и возбуждали смех в зале. Им задавали одни и те же вопросы: «Правильно ли это, что никому не показывают лагерей и тюрем в России? Если ты был в России и не видел лагерей, что ты делаешь на этом процессе? Какое право ты имеешь выступать на нем? Для того ли умирали люди в Сталинграде и во всем мире, чтобы лагеря продолжали существовать? Если нам нельзя вмешиваться в то, что происходит за границей, значит ли это, что мы не должны протестовать против лагерей Франко или в Греции? — Конечно, нет, — воскликнул коммунист, — это наше святое право бороться против них». Зал начал смеяться. Каждого из коммунистических свидетелей спрашивали, почему он не хочет участвовать в Интернациональной Комиссии Руссэ, почему он не хочет посмотреть своими глазами, что делается в лагерях НКВД? На этот вопрос нечего было ответить.

В последней речи Руссэ было одно сильное место: «Меня спрашивают, почему я занимаюсь концентрационными лагерями и оставляю без внимания несправедливости в других странах Запада? У меня есть друг — Ричард Уайт, знаменитый американский писатель. Если бы его спросили: почему ты пишешь только о неграх в Америке, а не пишешь о нужде среди белых или других явлениях, он бы ответил: «Потому, что я сам — негр и пишу о том, что мне близко и о том, что я знаю». Каждый из нас говорит о том, что он пережил. Я пережил судьбу раба в концлагерях, и я могу писать и могу бороться только против того, что я знаю из жизненного опыта».

На этом закончился процесс.

12 января 1951 года был объявлен приговор, но обвиняемые даже не явились выслушать его. Это был очень мягкий приговор, потому что, как с неподражаемой наивностью выразился президент Коломье в мотивах решения суда, «не надо излишней строгостью углублять пропасть, которая и так образовалась между двумя идеологическими обозами». «Чтобы не углублять пропасть», суд приговорил Моргана и Дэкса к символическим штрафам, к уплате 100 000 фр. в пользу Руссэ, к выплате судебных издержек (около 4 000 000 фр.) и к опубликованию приговора в их журнале, так же как и в десяти других изданиях по выбору Руссэ.

В заключение я хочу остановиться на политическом и моральном значении процесса Давида Руссэ. Можно рассматривать этот процесс с разных сторон, и, хотя мы вынуждены по очереди и отдельно говорить о каждой из них — надо помнить, что все они неразделимы и сводятся к одному и тому же: к защите человека, к борьбе за его право и свободу.

С политической точки зрения процесс Руссэ был **информационным** процессом первого ранга. Это было восстание против принципа «железного занавеса» и протест против замалчивания одного из самых страшных преступлений нашего времени. Коммунисты пробовали представить этот процесс как «антисоветскую пропаганду». Это в корне неверно. Пропагандировать можно мнения и учения, идеи, программы и идеалы. Факты не пропагандируют — их доводят до сведения. Знания не пропагандируют — их распространяют. Процесс Давида Руссэ вырвал сотни тысяч людей из состояния наивного неведения и констатировал факт, что советский строй есть **лагерный** строй. Можно знать это и все-таки остаться сталинистом, как в свое время можно было знать про Дахау и нюрнбергские законы и все-таки оставаться нацистом. Но нельзя терпеть положение, когда массы и целые политические партии на Западе строят свою политическую ориентацию на самообмане, на недоразумениях, на незнании основных фактов современности.

Процесс Давида Руссэ был удачной попыткой разбудить совесть и расширить политический горизонт масс. Для сотен тысяч людей он стал сенсацией. Это немного. Но надо помнить, что борьба против концлагерей только еще начинается. Мы доведем знание о том, что делается в СССР, до миллионов и добьемся, что оно станет достоянием всего человечества. Пока эта колода в виде 10 000 концентрационных лагерей не будет убрана с дороги, никакой действительный прогресс в мире не будет возможен. И пока существует в мире рабовладение под маской красивых слов, борьба против него не прекратится.

Процесс Руссэ — один из эпизодов идейного наступления западной демократии на тотальную ложь. Если бы мы ждали близкой войны, то выступление Руссэ и план Интернациональной Комиссии просто не имели бы никакого смысла. Предложение Руссэ открыть лагерь для контроля опирается на веру в возможность мира. Если под давлением мирового общественного мнения советское правительство решится показать свои лагеря и откажется от их герметической изоляции; если оно смягчит их зверский режим, то это безусловно в какой-то мере разрядит напряжение и подымет шансы мира. Кто борется против концлагерей средствами Руссэ, т. е. путем апелляции к

людям доброй воли, через демократические организации и на открытом суде — тот защищает мир. Мир не достигается замалчиванием зла.

С чисто гуманитарной точки зрения кампания Руссэ ostается единственной попыткой помочь миллионам несчастных, для которых создан ад на земле и вся вина которых состоит в том, что они не соответствуют стандартам коммунистической мысли и поведения. Как это легко сказать: «Все равно им помочь нельзя — не стоит и стараться!» За этим дешевым скептицизмом скрывается равнодушие. И это не случайно, что равнодушны именно те, кто не был в советских лагерях, а протестуют и верят в необходимость и силу протеста те, кто был в лагерях и не может забыть их.

Наш протест ведет к тому, что Политбюро в Москве принуждается обратить внимание на многие безобразия в лагерях, за которые ответственна местная администрация. Это уже выигрыш для заключенных. А что касается системы лагерей в целом, то ее, конечно, нельзя уничтожить протестами, пока существует диктатура, но можно добиться изменения к лучшему.

И здесь перейдем к еврейскому аспекту процесса Да-вида Руссэ.

Чем объясняется, что столько еврейских свидетелей и экспертов участвовало в этом процессе? Случайно ли это? Нет. Было ли то обдуманным намерением организаторов процесса? Такое объяснение недостаточно. Руссэ с легкостью нашел многочисленных свидетелей-евреев, потому что евреи занимают одно из первых мест среди жертв лагерей, потому что нельзя говорить о советском терроре вообще и о лагерях в частности, не касаясь кровавых страданий, которые они причинили еврейскому народу.

В свое время трагедия Центральной Европы заслонила то, что происходило на Востоке. Мы, евреи, были не в состоянии охватить размеры нашего несчастья, и мы реагировали на то, что стояло на первом плане: на угрозу гитлеризма, а потом на британскую политику в Палестине. Ни политически, ни морально у нас не было сил интересоваться тем, что происходило в царстве Сталина. Теперь, когда гитлеризм как политический фактор разбит и возникла Медина Исроэль, чудовище, которое притаилось в глубине нашей исторической сцены, выходит на первый план.

Можно считать, что в данный момент находится в лагерях Советского Союза более 200 000 евреев. Мы исходим из цифры в 10 миллионов заключенных и сосланных в районы Сибири, где условия жизни близки к лагерным. Возможно, что эта цифра в действительности гораздо выше. Евреи в СССР составляют не более 1% населения, но в лагерях этот процент повышается по понятным основаниям: евреи, как элемент городской, общественно-активный и индивидуалистический, дают больше оснований для преследований. В последнее время симпатии к Еврейскому Государству и подъем национального самосознания после победы сионизма в Палестине делают их подозре-

тельными в массе. По личному опыту я знаю, что в лагере с населением около 1000 з/к бывает 20-30 евреев. Отсюда цифра в 200 000 — 250 000 еврейских жертв лагерей. Естественно, что судьба этих евреев касается нас не меньше, чем судьба евреев в Ираке или Северной Африке. Мы, евреи Израйля и демократических стран, заинтересованы самым непосредственным образом в каждой попытке выяснить положение советских з/к. Можно предоставить себе, что творилось бы во Франции, если бы четверть миллиона французов пропали бы без вести в советских лагерях. В наших глазах каждый еврей в Советском Союзе имеет право оптировать гражданство Израйля, но в первую очередь это право имеют заключенные люди, находящиеся на краю гибели. Вопрос не в том, почему столько евреев участвовало в процессе Руссэ, а в том, почему еврейская общественность так мало поддерживает его.

Вместо ответа на этот вопрос я расскажу, как я пробовал мобилизовать в помощь Руссэ нескольких моих товарищей, которые живут в Тель-Авиве, которые были со мной в лагере и знают советскую действительность так же, как и я.

Один из них — член «Гашомер Гацаир»:

«Все, что ты написал в своей книге — правда, — сказал он, — и я сам поехал бы охотно с тобой на процесс Руссэ. Но как я могу это сделать? Я — кандидат на заграничную командировку. Моя партия исключит меня, и я не смогу показаться ни в Польше, ни в Чехословакии с общественной миссией. Если я выступлю против Советского Союза — я поссорюсь со своими товарищами».

Я пошел ко второму, который недавно приехал в страну и не принадлежит ни к какой партии:

«У меня брат в Советском Союзе, — сказал он, — и я не имею права подвергать его опасности».

Я пошел к третьему, который независим, не имеет родственников в Советском Союзе и не занимается политикой:

«Я уезжаю в Австралию, — сказал он. — Я хочу забыть о Советской России, и пусть Советская Россия забудет обо мне. Что это мне даст, если я выступлю на суде? И вообще, кто знает, что еще может случиться? Зачем обращать на себя внимание коммунистов?».

Равнодушие, страх и сознание своей беспомощности — вот наш враг!

Система террора, центр которой находится в Москве, действует за тысячи миль от советской зоны. В этих условиях еврейские свидетели на процессе Руссэ выполнили двойную миссию: они не только исполнили долг общечеловеческой солидарности вместе с другими демократами Запада в борьбе за Мир, Право и Свободу — они также выступили против атмосферы страха, трусости и безответственности в еврейских кругах Запада.

1951 г.

НОВАЯ КНИГА

Факультет славянских языков и литературы Питсбургского университета издал в Питсбурге стараниями и под редакцией Н. П. Полторацкого сборник статей под названием «Русская религиозно-философская мысль XX века».

Книга содержит следующие статьи: Предисловие Н. Полторацкого; Отдел I. Пути и проблематика: Николай Арсеньев, О некоторых основных темах русской религиозной мысли 19-го века, стр. 18; Джордж Л. Клайн, Спор о религиозной философии: Л. Шестов против В. Соловьева, стр. 37;

Марта Богачевская-Хомьяк, Философия, религия и общественность в России в конце 19-го и начале 20-го вв., стр. 54; В. Вейдле, Русская философия и русский «Серебряный век», стр. 68; Прот. Александр Шмеман, Русское богословие за рубежом, стр. 74; Николай Зернов, Русское студенческое христианское движение зарубежом, стр. 92; Густав А. Веттер, Русская религиозная философия и марксизм, стр. 99; Архиепископ Иоанн С.-Ф., Материализм перед судом бытия и сознания (Антропологический очерк), стр. 117; Николай Зернов, Русский религиозный опыт и его влияние на Англию, стр. 125; В. Пиро-

кова, Русские философы-изгнанники в Германии, стр. 133; Адольфо Аснаги, Интерес к русской религиозной философии XX века в Италии, стр. 143; Жан-Клод Маркадэ, Проникновение русской мысли во французскую среду: Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов, стр. 150. Отдел II. Мыслители: Архиепископ Никон, Митрополит Антоний (Храповицкий), стр. 166; Р. Плетнев, Н. С. Арсеньев, стр. 176; Борис Филиппов, А. С. Алексеев-Аскольдов, стр. 186; Н. Полторацкий, Н. А. Бердяев, стр. 190; Сергей Левицкий, О. Сергей Булгаков, стр. 205; В. Вейдле, Памяти отца Сергея, стр. 214; Аркадий Небольсин, Е. П. Вышеславцев,

